

А. А. ПОТЕБНЯ,

КАКЪ

ЯЗЫКОВѢДЪ-МЫСЛИТЕЛЬ.

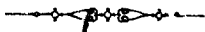
Д. Овсянико-Куликовскаго.

5073-0

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

БІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул. д. № 4.

1893.

Дозволено цензурою. Київъ, 13 сѣнября 1893 года.

2010513058

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.

Покойный профессоръ Харьковскаго Университета, Александръ Аванасьевичъ Потебня (+29 ноября 1891 г.) принадлежалъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ нашего вѣка. Его капитальные труды (по діалектологіи, этимологіи, синтаксису русскаго языка и родственныхъ, а также по міеологіи и народной поэзіи) давно уже оцѣнены по достоинству учеными спеціалистами и заняли выдающееся мѣсто въ наукѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже истинное и непреходящее значеніе важнѣйшихъ трудовъ Потебни, ихъ глубокая философская основа, ихъ скрытый (подъ чрезмѣрно-сжатымъ изложеніемъ) смыслъ, указующій новые пути и открывающій далекія и грандіозныя перспективы мысли,—все это, къ сожалѣнію, еще недостаточно выяснено и не стало достояніемъ мыслящей части общества. Эта сторона хорошо извѣстна лишь немногимъ ученымъ спеціалистамъ,—въ особенности же непосредственнымъ ученикамъ покойнаго профессора, которые были, такъ сказать, свидѣтелями самаго процесса его ученаго творчества, такъ какъ многія изслѣдованія Потебни, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, были прочитаны имъ въ рядѣ университетскихъ курсовъ, обставленныхъ всею роскошью живаго изложенія, нерѣдко достигавшаго высотъ настоящей художественности. И эти ученики покойнаго въ одинъ голосъ скажутъ намъ, что напр. извѣстная книга, на заглавномъ листѣ которой напечатано: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня“,—есть глубокий философскій трудъ.

Задавшись цѣлью положить въ общедоступной формѣ философскую сторону изслѣдованій Потебни, пишущій эти строки далеко отъ мысли исчерпать тему и будетъ считать свою задачу достигнутою, ежели ему удастся выяснитъ хотя-бы въ общихъ чертахъ сущность философско-психологическихъ воззрѣній на языкъ и значеніе сюда относящихся открытій покойнаго ученаго¹⁾.

I.

Въ тридцатилѣтней ученой дѣятельности Потебни можно различать два періода. Первый, образующій начало его карьеры, былъ наполненъ изученіемъ языка въ связи съ миеомъ и разработкою философско-психологической теоріи языка, основанной на идеяхъ В. Гумбольдта и комментаріяхъ къ нимъ Штейнгаля, а также на психологическихъ трудахъ Гербардта и Лотце. Въ этомъ періодѣ (1860—1865) Потебня является по преимуществу психологомъ и философомъ и обнаруживаетъ необыкновенный даръ анализа и обобщенія. Какъ лингвистъ, миеологъ, психологъ, онъ уже тогда, не взирая на молодость, стоялъ на высотѣ современнаго знанія. Посвящая себя спеціально изученію языковъ славянскихъ, онъ въ то же время приобрѣлъ солидные познанія въ санскритѣ, литовско-латышскомъ, германскихъ нарѣчійхъ. Сравнительная Грамматика того времени (Боппъ, Поттъ, Бенфей, Кунъ, Шлейхеръ и др.), равно какъ и историческая школа Гримма, были основаніемъ его лингвистической эрудиціи. Соединеніе этихъ двухъ направленій (сравнительнаго и историческаго), какъ извѣстно, составило силу науки сравнит. языковѣдѣнія, создало для нея незыблемо—прочный фундаментъ. Вотъ именно это соединеніе двухъ теченій и легло въ основу долгой и плодотворной дѣятельности Потебни во второмъ ея періодѣ (1865—1891). Въ эту эпоху онъ сперва работалъ преимущественно въ области діалектологіи и фонетики

¹⁾ Обзорніе всей дѣятельности А. Потебни, его характеристику, какъ ученаго, профессора и человѣка, одѣяну его работъ и пр. читатель найдетъ въ статьяхъ гг. Ламанскаго, Будиловича, Халанскаго, Ляпунова, Петушила и др., собранныхъ частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ въ 4 томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества“. (1892 г.).

русского языка и других славянских, широко пользуясь также данными и других индоевропейских языковъ. Изслѣдованія, сюда относящіяся, по богатству эрудиціи, совершенству метода, глубинѣ и вѣрности взгляда, являются капитальными произведеніями научной мысли и справедливо доставили ихъ автору одно изъ наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ именъ. Въ 1874 г. онъ выступаетъ съ классическимъ трудомъ по синтаксису („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 2-е изд.—1889 г.), вслѣдъ за которымъ послѣдовали новыя работы по этимологiи и фонетикѣ, по народной поэзи, опять по синтаксису—вплоть до начала 90-хъ годовъ. Вся эта обширная дѣятельность не сходилась съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли. Тѣмъ не менѣе эта философская подкладка оставалась какъ-бы въ тѣни и не была оцѣнена по достоинству. О ней знали только непосредственные ученики Потебни. Въ изслѣдованіяхъ этимологическихъ, фонетическихъ и т. д. она могла проявляться лишь изрѣдка и давала себя чувствовать весьма отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ замѣчаніи, брошенномъ мимоходомъ, въ той или иной постановкѣ спеціального вопроса, при чемъ читателю приходилось самому извлекать философское основаніе этой постановки. Крайне скупой на слова, разъясненія, отступленія, Потебня писалъ въ родѣ того, какъ пишутъ математики. Оттуда между прочимъ и репутація Потебни, какъ ученаго „узкаго“, „крайняго спеціалиста“, чуть не „буквоѣда“, и незначительное пространство его идей даже въ той части публики, которая должна была бы знать его труды (филологи разныхъ спеціальностей, учителя русскаго языка, литераторы). Публика и не подозрѣвала, что авторъ „Къ исторiи звуковъ русскаго языка“ и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ и статей того же рода въ сущности и прежде всего—философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербардта, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще. Этой неизвѣстности Потебни, какъ мыс-

лителя, способствовало также и то, что спеціальныя труды второго періода своею научною цѣнностью и авторитетностью заслонили его раннія работы (перваго періода), въ особенности замѣчательный этюдъ „Мысль и языкъ“, напечатанный въ журналѣ Мин. Нар. Просв. въ 1862 г. (нынѣ переизданъ семьею покойнаго ¹⁾). Этотъ этюдъ имѣлъ странную судьбу; онъ оставался почти неизвѣстнымъ въ теченіе 30 лѣтъ даже ученымъ, слѣдившимъ за трудами Потебни; а между тѣмъ знакомство съ нимъ обазывается необходимымъ для полнаго пониманія важнѣйшихъ трудовъ Потебни—по синтаксису и народной поэзіи, а кромѣ того, оно могло бы оказать весьма благотворное вліяніе на правильную постановку нѣкоторыхъ вопросовъ философскаго характера, представляющихъ извѣстный интересъ для всякаго образованнаго человѣка. Идеи, въ немъ выраженныя, точки зрѣнія, въ немъ установленныя, легли въ основу всѣхъ послѣдующихъ трудовъ Потебни, въ особенности же—синтаксическихъ и по теоріи словесности (не изданныхъ, также какъ и продолженіе синтаксиса, оставшееся въ рукописи). Эти капитальныя произведенія представляютъ собою осуществленіе на дѣлѣ того, что въ книжкѣ „Мысль и языкъ“ высказано—какъ общій взглядъ, какъ теоретическая постановка вопросовъ. Наша задача и будетъ состоять въ томъ, чтобы связать „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ съ этюдомъ „Мысль и языкъ“ и, показавъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, что собственно доказалъ и открылъ Потебня, облегчить читателю-неспеціалисту изученіе хотя-бы только важнѣйшихъ трудовъ покойнаго мыслителя.

II.

Въ основаніе лингвистическихъ изслѣдованій Потебни положена идея, сжатую формулу которой мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ: „Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть

¹⁾ „Мысль и языкъ“ А. Потебни. 2-е изд. съ портретомъ автора „Харьковъ 1892 г. (272 стр.) Всѣ цитаты изъ этого сочиненія сдѣланы по этому 2-му изданію.

основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если приняли основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность. („Мысль и языкъ“, стр. 173). Основное положеніе, о которомъ говорится въ послѣднихъ строкахъ этого мѣста, принадлежитъ В. Гумбольдту, который училъ, что „die Sprache ist das bildende Organ des Denkens“.— Мы постараемся дать читателю общее понятіе о томъ, какъ развивалъ Потебня это положеніе въ своемъ раннемъ трудѣ „Мысль и языкъ“, исходя изъ идей Гумбольдта и отчасти пользуясь первыми работами Штейнтала.

Прежде всего нужно разяснить, что такое слово. Мы это сдѣлаемъ, если отдадимъ себѣ отчетъ, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ. Въ ряду послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ слѣдующіе два: звуковая форма и значеніе. Безъ нихъ слово немислимо. Отнимите отъ словъ *домъ, рыба, огонь, лошадь* и т. д. сочетаніе звуковъ, ихъ составляющихъ, и оставьте ихъ значенія,—и они перестанутъ быть словами, превратятся въ чистыя понятія или представленія. И наоборотъ: лишенное своего значенія, слово перестаетъ быть словомъ и превращается, по выраженію Потебни, въ „искусственный фонетическій препаратъ“ (Изъ записокъ по русской грамм., стр. 1). Если будемъ имѣть въ виду только эти два элемента, то мы опредѣлимъ слово, какъ „единство членораздѣльнаго звука и значенія“. Это опредѣленіе дѣйствительно пригодно для множества словъ въ родѣ вышеприведенныхъ *огонь, домъ, рыба* и т. д., хотя и не исчерпываетъ, какъ увидимъ въ свое время, всѣхъ ихъ свойствъ. Но во всѣхъ языкахъ, кромѣ подобныхъ словъ, существуетъ много словъ иного рода, въ которыхъ, кромѣ звука и значенія, усматривается еще третій элементъ. Таковы напр. у насъ—*молокососъ, подсмѣшникъ, забудка, удавъ* и другія живописныя слова, въ которыхъ, кромѣ значенія и звуковъ, мы ясно различаемъ извѣстный, сознаваемый говорящимъ способъ изображенія даннаго значенія, Мы не знаемъ или не отдаемъ себѣ отчета, почему *домъ* называется „домъ“, и какъ этотъ предметъ изображенъ въ этомъ

словѣ; напротивъ, называя извѣстный цвѣтокъ *подснѣжникомъ*, или *незабудкою*, легкомысленнаго молодаго человѣка „*молоко-сосомъ*“ (т. е. уподобляя его грудному ребенку), извѣстную змѣю *удавомъ* и т. д., мы сознаемъ, что выдвигаемъ впередъ одинъ изъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ *признаковъ* данныхъ понятій и на немъ строимъ весь образъ предмета, обозначеннаго словомъ. Итакъ, кромѣ *звука* и *значенія*, здѣсь есть еще третій элементъ—представленіе. Оно сохраняется въ этихъ словахъ потому, что ближайшее этимологическое происхожденіе ихъ ясно для сознанія всякаго говорящаго на данномъ языкѣ. Даже неграмотному очевидна связь слова *подснѣжникъ* съ *подъ* и *снѣжъ*, слова *удавъ* съ глаголомъ *давить* и т. д., и эта очевидность производитъ то, что предметъ черезъ посредство такого слова не просто „обозначается“, а рисуется въ умѣ со стороны одного изъ своихъ признаковъ. Формула подобныхъ словъ будетъ уже другая: „единство звука, значенія и представленія“. Отношеніе представленія къ значенію мы будемъ называть *внутреннею формою* слова въ противоположность внѣшней—звуковой. Отсюда слѣдуетъ, что слова, лишенные представленія, какъ *домъ*, *огонь* и пр., въ то же время не имѣютъ и внутренней формы. Наличность послѣдней придаетъ слову нѣкоторый поэтический или художественный характеръ; ея исчезновеніе дѣлаетъ слово прозаическимъ, превращая его внѣшнюю форму, его звуки, какъ-бы въ простой знакъ, „алгебраически“ угазывающій на извѣстное понятіе. Путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія, наука весьма часто открываетъ въ такихъ „прозаическихъ“ словахъ слѣды ихъ прежняго поэтическаго характера, слѣды представленія, нѣкогда въ нихъ находившагося, потомъ забытаго. Такъ напр., у насъ слово *мышь*; а равно и отвѣчающія ему по значенію и формѣ—нѣмецкое *Maus*, латинское *mus* и древнегреческое $\mu\acute{\upsilon}\varsigma$ —представляются давнымъ-давно лишенными внутренней формы. Но *представленіе*, нѣкогда жившее въ этихъ словахъ, сохранилось въ соотвѣтственныхъ санскритскихъ *mūsh*, *mūshaka*, ибо ясна ихъ связь съ глаголомъ *mush*—*вѣсть*, и въ нихъ мышь явственно изображена какъ *воръ*. Потеря внутренней формы есть процессъ высокой важности; какъ

увидимъ ниже, это своего рода творческая сила въ исторіи языка и мысли. Но ея дѣйствіе перекрещивается работою другою, также творческой силы, но противоположнаго характера— созданиемъ новыхъ словъ съ внутреннею формою. Приведенныя выше слова—*удавъ, подсмѣжникъ, незабудка* и др. суть слова относительно новыя. Но помимо созданія такихъ новыхъ словъ, языкъ сплошь и рядомъ создаетъ новыя слова нѣсколько иного типа, примѣняя старыя, съ забытой внутренней формою, для обозначенія новыхъ понятій. Традиціонное значеніе такого слова (напр. домъ—зданіе, жилище) становится знакомъ или представленіемъ другого значенія (домъ—семья). Сюда относятся всѣ метафоры, которыхъ такъ много во всѣхъ языкахъ.

На этомъ пунктѣ мы пока пріостановимъ анализъ элементовъ слова; представимъ себѣ, что въ словѣ ничего нѣтъ кромѣ звука, значенія и представленія,—и постараемся прослѣдить его дѣятельность въ смыслѣ пружины, *создающей* нашу мысль.

Въ основаніи умственныхъ процессовъ лежатъ чувственыя воспріятія. Это тѣ впечатлѣнія, которыя мы получаемъ черезъ посредство органовъ чувствъ отъ окружающей насъ среды и отъ нашего собственнаго тѣла. Первоначально, напр. у ребенка въ раннемъ возрастѣ, эти воспріятія совершенно хаотичны: подчиняясь общему закону *ассоціаціи*, они сочетаются между собою какъ-попало, не группируясь въ опредѣленные и постоянные образы, такъ что воспринятый предметъ, напр. дерево, еще не отдѣляется отъ окружающей обстановки или отъ фона, напр. отъ собаки, лежащей подъ нимъ, отъ неба, на синевѣ котораго оно вырисовывается. Какъ извѣстно, полученные воспріятія могутъ сохраняться въ безсознательномъ состояніи, вытѣсненныя изъ поля сознанія другими, и потомъ вновь выплывать наружу, пробуждаться въ сознаніи. Это то, что называется *памятью*. *Вновь получаемыя воспріятія, въ силу все того же закона ассоціаціи, вступаютъ въ сочетаніе съ полученными раньше и сохраненными памятью, и на этой почвѣ возникаетъ и развивается, все усложняясь, умственная дѣятельность, сначала пассивная, потомъ пріобрѣтающая все

большую активность. Самым пассивным процессом должна быть признана та хаотическая ассоциация восприятий, о которой мы только-что говорили. Это по преимуществу,—ассоциация восприятий, случайно связанных в пространстве (дерево на фоне неба, дерево и собака под ним), или полученных одновременно (дерево и шум ветра). Уже менее пассивно то сочетание новых восприятий с прежними, которое осуществляется в силу их сходства и внутреннего сродства, когда напр. новое восприятие дерева оживляет в сознании прежнее восприятие такого же дерева, но при изменении обстановки. По мере того как изменяются обстановка и фон (прежде была собака под деревом, теперь ее нет там, прежде небо было безоблачно, теперь оно покрыто тучами и т. д.), а между тем дерево остается то же, вызывая в сознании восприятия, полученные от него раньше,—в душе развивается деятельность уже отличная от простой, так сказать, механической ассоциации: в этой новой деятельности мы различаем *снятие* сходных и неизменных восприятий (дерева) воедино и *устранение* величин переменных (неба, собаки), чем и полагается первое основание *единству образа* (дерева). Здесь же усматриваются первые проблески умственного процесса высокой важности,—так называемой апперцепции, т. е. такого сочетания представлений, при котором вновь полученное некоторым образом объясняется прежними. Так, в нашем примере новое восприятие дерева при другой обстановке и на ином фоне, сочетаясь с прежним восприятием дерева, находит в этом сочетании свою истинную классификацию, свое истолкование. Но это пока только проблески, только возможность или подготовка апперцепции. Настоящая апперцепция есть процесс уже активный, а не пассивный; она должна быть одухотворена известной долей сознательности. Вот именно этот переход от пассивности умственных процессов к их активности, к их сознательности осуществляется не иначе, как при участии слова.

Первоисточник слова есть рефлективный звук, частью подражательный, частью „междометного“ характера. „Язык“

дѣтей первоначально состоитъ изъ такихъ произвольныхъ звуковъ, сопровождающихъ воспріятія и механически съ ними сочетающихся. Когда это сочетаніе установится, и ребенокъ привыкнетъ связывать извѣстные звуки съ извѣстными образами („му“ съ коровой, „жижа“ съ огнемъ и т. д.), тогда рефлексивный звукъ перестаетъ быть рефлексивнымъ и становится сознательнымъ *орудіемъ апперцепціи*. Благодаря ему, осуществляется настоящая апперцепція. Предположимъ, ребенокъ при видѣ дерева привыкъ произносить какой-нибудь слогъ. Всякое новое воспріятіе дерева будетъ сопровождаться у него тѣмъ же слогомъ, который съ каждымъ разомъ все тѣснѣе будетъ сростаться съ образомъ дерева, все болѣе очищающимся отъ постороннихъ примѣсей (обстановки и фона). Такое сростаніе даннаго слога съ даннымъ образомъ способствуетъ скорѣйшему его очищенію и объединенію. И когда въ хаосѣ вновь полученныхъ воспріятій ребенокъ вдругъ откроетъ присутствіе дерева и произнесетъ привычный слогъ, то въ этомъ актѣ рѣчи осуществится первая сознательная апперцепція дерева. Данный слогъ уже не будетъ рефлексивнымъ звукомъ, онъ явится въ качествѣ настоящего слова съ опредѣленнымъ *значеніемъ*, и его произнесеніе будетъ актомъ сознанія, что предметъ (дерево) узнавъ, схваченъ мыслью въ его отдѣльности, что онъ *апперцепированъ*. Возьмемъ еще примѣръ. Если ребенокъ, еще не апперцепировавшій солнца, уже апперцепировалъ при помощи слова „жижа“ огонь (лампы, камина), то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи готовое орудіе и для апперцепціи солнца: онъ назоветъ и солнце „жижою“. Въ этомъ дѣтскомъ словѣ будетъ заключено цѣлое *сужденіе*, которое можно развернуть такъ: то, что я теперь вижу (солнце), есть нѣчто такое или то самое, что раньше я называлъ „жижа“ (огонь). Иначе: образъ огня, уже ассоціированный со словомъ *жижа* и составившій его *значеніе*, сталъ теперь *знакомъ* или *представленіемъ* другого значенія, другого образа (солнца). Создается слово съ *внутреннею формою*, и актъ его созданія есть въ то же время актъ *апперцепціи новаго образа*.

Такия примитивныя сужденія образуютъ основаніе всего нашего умственнаго развитія. Это уже активная и творческая работа мысли: апперцепція и сравненіе. Ими, этими словами-сужденіями, ребенокъ впервые сравниваетъ, осмысливаетъ, классифицируетъ и обобщаетъ матеріалъ воспріятій, постоянно притекающей извнѣ. Вся эта работа мысли имѣетъ своимъ результатомъ образованіе тѣхъ обобщенныхъ схемъ, которыя называются понятіями. Итакъ, примитивныя слова-сужденія предшествуютъ образованію понятій, и послѣднія безъ первыхъ были бы невозможны. Безъ участія слова возможны только тѣ несовершенныя и эмбріональныя понятія, какія наблюдаются у высшихъ животныхъ и очевидно достигаются у нихъ силами болѣе пассивныхъ и несознательныхъ процессовъ ассоціаціи по сходству, неосмысленныхъ дѣятельностью языка. ¹⁾

Въ дѣлѣ образованія понятій участвуютъ различныя свойства слова; но могущественнѣе другихъ дѣйствуетъ здѣсь то, которое выше мы назвали *завненіемъ внутренней формы*. Отрѣшимся на мигъ отъ нашей развитой мысли, орудующей *понятіями*, представимъ себѣ умственные процессы до образованія этихъ послѣднихъ и постараемся проникнуть въ творческую работу тѣхъ *словъ-сужденій*, о которыхъ была рѣчь выше, со *значеніемъ* въ роли подлежащаго и *представленіемъ* въ роли сказуемаго. Пока внутренняя форма такого слова-сужденія еще жива и осязательна, пока его представленіе не забыто, оно является весьма несовершеннымъ орудіемъ образованія понятія. Возьмемъ примѣръ. Слово *трава* происходитъ отъ корня, который значилъ *псть*, и первоначально имѣло значеніе *пищи, пищи, пищи*. Это значеніе, перенесенное на траву, стало представленіемъ новаго значенія, и слово-сужденіе „трава“ имѣло такой смыслъ: то, что я вижу и что имѣетъ такіе-то признаки (зелено, растетъ, вянетъ и пр.), есть пища. Пока сохранялась въ

---

¹⁾ Глухонѣмые не составляютъ исключенія: у нихъ есть свой языкъ, только не звуковой, а „графическій“ (жесты, а при известной выучкѣ движеніе губъ и начертанія буквъ). Относительная слабость умственныхъ процессовъ у глухонѣмыхъ состоитъ въ очевидной связи съ несовершенствомъ ихъ языка сравнительно съ языкомъ звуковымъ.

сознаніи внутренняя форма этого слова, въ его значеніе могли входить только такіе признаки, которые не противорѣчили представленію. Потому всякая трава, негодная для употребленія въ пищу, исключалась изъ сферы сужденій, допускаемыхъ внутренней формою даннаго слова. Съ тѣмъ вмѣстѣ многія опредѣленія, относящіяся къ травѣ, какъ таковой (въ нашемъ смыслѣ), а не какъ къ предмету пищи, представлялись случайными и не характерными для „травы“. „Трава зелена“ — это не важно, а важно то, что ее можно употребить въ пищу. Чтобы различные признаки травы выступили наружу и сгруппировались въ *понятіи* травы, необходимо было сперва забыть, что собственно значить слово „трава“, устранить представленіе „пищи“, въ немъ заключенное, т. е. его внутреннюю форму. Забвеніе послѣдней осуществляется постепенно, по мѣрѣ того какъ возникаютъ различныя сужденія, которыхъ сказуемая выведены не изъ внутренней формы, а изъ значенія, напр. „трава растетъ“, „трава зелена“, „трава пахнетъ“ и т. д. Въ такихъ сужденіяхъ сказуемая указываютъ на признаки, входящіе въ составъ значенія слова (трава) и независимые отъ его *представленія* (пищи). Нетрудно понять, что при частомъ повтореніи этихъ сужденій съ теченіемъ времени затеривается или ступшеваются тотъ признакъ, который былъ связанъ съ внутренней формою слова, и мысль все чаще и настойчивѣе обращается къ другимъ признакамъ, характернымъ для самой вещи и рисующимъ ее независимо отъ ея свойства служить пищею. „Чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ“, говоритъ Потебня, „перебывало при словѣ *трава*, тѣмъ на большее количество сужденій разлагается до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается атрибутами“ („Мысль и Языкъ“, стр. 160).

Это „обогащеніе субстанціи атрибутами“ есть образованіе *понятія*.

Субстанція въ свою очередь есть *понятіе* и — очень абстрактное; но въ этомъ видѣ она является, конечно, не въ началѣ образованія понятій, а въ концѣ, какъ своего рода фило-софскій экстрактъ изъ нихъ. Въ данномъ случаѣ Потебня

имѣлъ въ виду не эту позднюю и высшую степень отвлеченія, а то зерно, тотъ эмбрионъ „субстанціи“, который усматривается въ самомъ началѣ процесса развитія различныхъ понятій. Вотъ именно этотъ эмбрионъ „субстанціи“, необходимый для образованія всякаго понятія (травы, дома, огня и т. д.), есть *даръ языка*. Возьмемъ опять въ примѣръ ребенка, который называетъ огонь „жижа“. По мѣрѣ того, какъ онъ послѣдовательно переноситъ это слово-сужденіе отъ лампы къ камину, къ зажженной спичкѣ, къ солнцу и т. д., въ его душѣ постепенно отлагается и крѣпнеть впечатлѣніе противоположности между всѣми этими переменными величинами и неизмѣнностью слова и связаннаго съ нимъ представленія, одинаково прилагаемыхъ ко всѣмъ имъ. Ощущеніе этой противоположности и есть первый шагъ къ „созданію категоріи субстанціи, вещи самой въ себѣ“ („Мысль и Языкъ“, 152). Этотъ процессъ Потебня называетъ также процессомъ созданія *общности образа*. Обозначая различныя проявленія огня (въ каминѣ, лампѣ, солнцѣ) однимъ и тѣмъ же словомъ „жижа“, всякій разъ мысля представленіе, связанное съ нимъ, ребенокъ обобщаетъ образъ, и этимъ обобщеніемъ вызывается въ душѣ предрасположеніе противопоставлять различнымъ формамъ вещи ея неизмѣнную субстанцію.

Подводя итогъ всему вышесказанному о роли слова въ процессѣ образованія нашей мысли, мы получимъ слѣдующія положенія

1) Слову предшествуютъ рефлексивные членораздѣльные звуки, связанные съ чувственными воспріятіями.

2) Ассоціируясь съ группами воспріятій, эти звуки становятся ихъ знаками и превращаются въ слова.

3) Слово является орудіемъ *объединенія образа* (отдѣленія его отъ фона и другихъ постороннихъ примѣсей).

4) Оно служитъ средствомъ созданія *общности образа* и кладетъ основаніе категоріи *субстанціи*.

5) Оно, въ формѣ сужденій, является средствомъ *разложенія образа на его признаки*, что ведетъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ его общности, къ образованію *понятій*.

Къ этимъ пяти положеніямъ прибавимъ еще одно, прямо изъ нихъ вытекающее:

6) Слово есть по преимуществу орудіе *познанія* и *само-сознанія*.

Знаніе есть *апшерцепція* *понятіями*, болѣе или менѣе, правильными и широкими, явленій *объективнаго* міра. Понятія созидаются, какъ мы видѣли, силою слова, и сами по себѣ, въ своемъ, такъ сказать, необработанномъ, природномъ видѣ, образуютъ основы познанія вещей. Переработанныя, культивированныя критическою мыслью, они превращаются въ знаніе научное и философское. „Путь наукъ“, говоритъ Потенбня, „уготовляется словомъ“ („Мысль и Языкъ“, 164).

Самосознаніе есть *апшерцепція* *понятіями*, болѣе или менѣе широкими и правильными, явленій міра *субъективнаго*. Оно *развивается* какъ прямое послѣдствіе *знанія вообще*, ибо послѣднее, обогащая мысль субъекта, увеличиваетъ ея энергію, ея тяжесть, силу ея давленія, и человекъ невольно привыкаетъ обращать взоръ внутрь себя, подслушивать и оцѣнивать свои собственные мысли и чувства, сознать себя.

До сихъ поръ мы разсматривали дѣятельность языка, направленную на созданіе мысли, въ періодъ, когда онъ самъ еще находился въ процессѣ развитія, напр. у ребенка или въ первобытномъ человечествѣ. Но и по истеченіи этого періода, какъ въ жизни ребенка, такъ и въ исторіи человечества, творчество языка не прекращается. Языкъ никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ,—онъ движется, развивается, создаетъ все новыя и совершеннѣйшія формы мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и самая мысль. Органическая теорія языка, такъ долго господствовавшая въ наукѣ, не могла проникнуть въ эту связь развивающейся мысли съ развивающимся языкомъ. Оттого-то она превратно понимала историческую эволюцію самого языка. Шлейхеръ училъ, что творческій періодъ въ языкѣ закончился задолго до начала исторической жизни человечества, и послѣднее вступило въ зрѣлый возрастъ—уже обладая готовымъ языкомъ, развитымъ *организмомъ* рѣчи, которому уже некуда было итти дальше и оставалось одно—разлагаться. Такъ образомъ вся послѣдующая исторія языка представлялась его постепенною смертью, процессомъ разложенія, шедшимъ въ ногу

съ прогрессивнымъ развитіемъ мысли. Этотъ разлагающійся трутъ оказывался однакоже по своему *жизнью*: говорили о жизни языка, о его органическомъ ростѣ; о его живой дѣятельности, какъ средства передачи мысли. Органическая теорія запуталась въ своихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, изъ коихъ нѣтъ выхода.

Если мы, вслѣдъ за Гумбольдтомъ, внимемъ глубже въ роль языка, какъ средства передачи мысли, и вмѣстѣ въ исторію новыхъ языковъ, то увидимъ, что тутъ опять-таки скрывается нѣкоторое творчество, что и здѣсь языкъ продолжаетъ быть орудіемъ созданія или дальнѣйшаго развитія мысли. Изученіе живыхъ языковъ (германскихъ, славянскихъ, романскихъ и др.) открыло признаки прогрессивнаго движенія въ ихъ эволюціи и все настойчивѣе заставляеть насъ думать, что есть какая-то связь между этой эволюціей новыхъ языковъ и развитіемъ мыслительной энергіи передовыхъ народовъ земнаго шара. Громадная заслуга Потебни состоитъ въ томъ, что *онъ доказалъ* существованіе этой связи и сдѣлалъ очевиднымъ, что творческая работа языка по отношенію къ мысли не прекратилась, а только вступила въ другой фазисъ.

В. Гумбольдтъ поставилъ вопросъ: что значитъ говорить и *понимать*? Отвѣтъ, данный имъ-же, заключенъ въ двухъ знаменитыхъ формулахъ 1): *говорить* значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и 2) всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ непониманіе.

Вторую формулу Потебня разъясняетъ слѣдующимъ образомъ: «... субъективное содержаніе мысли говорящаго и мысли понимающаго всегда различно, хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ... но можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ... Говоря словами Гумбольдта, никто не думаетъ при известномъ словѣ именно того, что другой, и это будетъ понятно, если сообразимъ, что даже тогда, когда непониманіе видимому невозможно, когда напр. оба собесѣдника видятъ передъ собою предметъ, о которомъ рѣчь, что даже тогда каждый въ буждальномъ смыслѣ смотритъ на предметъ съ своей точки зрѣ-

нія и видитъ его своими глазами. Полученное этимъ путемъ различіе въ чувственныхъ образахъ предмета, зависящее отъ внѣшнихъ условій (различія точекъ зрѣнія и устройства организма), увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ застаесть другое сочетаніе прежнихъ воспріятій, другія чувства, и въ каждой душѣ образуетъ другія комбинаціи. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе.“ („Мысль и Языкъ“, 133—134).

Изъ такой постановки вопроса само собою вытекаетъ слѣдующее. Мысль говорящаго никоимъ образомъ не можетъ перейти въ сознаніе слушающаго цѣликомъ, со всѣмъ аппаратомъ сопутствующихъ ей представленій и съ тѣмъ именно способомъ ихъ сочетанія, какой имѣлъ мѣсто въ сознаніи говорящаго. Слова, сказанныя однимъ, только зажигаютъ мысль другаго. Послѣдняя, черезъ посредство услышанныхъ словъ, только настраивается на извѣстный ладъ и начинаетъ сама работать въ данномъ направленіи. Въ результатѣ получаются два процесса мысли, движимой языкомъ, изъ коихъ второй есть воспроизведеніе перваго, но не пассивное, а активное, не снимокъ съ него, не простое его отраженіе, какъ въ зеркалѣ, а его переработка сообразно силамъ и средствамъ, какія имѣются въ распоряженіи слушающаго. Здѣсь мы имѣемъ одно изъ основаній того положенія, которое Потемня въ своихъ лекціяхъ (и отчасти въ сочиненіяхъ) широко развивалъ, распространяя его, со свойственною ему силою обобщенія, на различныя сферы психической жизни, между прочимъ примѣняя его къ вопросу о заимствованіяхъ въ языкѣ, въ народной поэзіи, въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ. Онъ училъ, что заимствованіе напр. иностраннаго слова, литературной формы, научныхъ приемовъ и т. д. есть особый родъ творчества.

Теперь отъ процесса *пониманія* перейдемъ къ процессу *речи*.

Говорить-ли человѣкъ, писать-ли, или молча думаетъ,—во всякомъ случаѣ онъ орудуетъ *словами*; ими онъ схватываетъ и апперцепируетъ всякое вновь возникающее въ его умѣ представленіе или понятіе. Это представленіе или понятіе какъ бы

воплощается, объективируется въ словѣ и оттого получаетъ для самого говорящаго (или думающаго) большую наглядность, осязательность, осмысленность. Процессъ мышленія сводится къ различнаго рода группировкѣ понятій и представленій. Слова суть тѣ же понятія и представленія, но только связанные съ членораздѣльными звуками или—при молчаливомъ мышленіи—съ ихъ представленіями, обыкновенно сопровождаемыми беззвучной артикуляціей. Орудяя словами, человекъ облегчаетъ себѣ процессъ мышленія, уже въ силу того, что соблюденіе приобретенныхъ привычекъ всегда помогаетъ мыслить, какова бы ни была эта привычка—курение-ли, игра-ли пальцами, жесты, или мускульныя движенія въ лицѣ; самой закоренѣлой привычкой является, конечно, артикуляція языка, все равно звучная, или беззвучная. Но этого мало: языкъ создаетъ ту національную и личную атмосферу или стихію мышленія, въ которой индивидуальному уму особливо удобно и привольно вращаться. Человекъ всегда мыслить силами и средствами опредѣленнаго языка: французъ—французскаго, нѣмецъ—нѣмецкаго и т. д. Взглянемъ ближе на отношеніе чело­вѣка къ этой стихіи рѣчи—мысли.

Слова, которыя вы употребляете, чтобы говорить и мыслить, не вами созданы; не вы вложили въ нихъ извѣстныя значенія, сочетали ихъ съ извѣстными понятіями. Все это представляется даннымъ вамъ, какъ готовое, и вы, повидимому, только пользуетесь этимъ матеріаломъ для своихъ цѣлей. Но такъ какъ у васъ, въ силу особенностей вашей индивидуальности и личной исторіи, съ этими словами соединены такіе отгѣнки и видоизмѣненія представленій и понятій, какихъ нѣтъ у другаго, то всякое ваше слово будетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ новымъ создани­емъ. Настоящая, подлинная „жизнь“ языка осуществляется въ его утилизаціи индивидуумомъ и слагается изъ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ актовъ рѣчи. Поэтому настоящее, живое слово это то, которое вы только-что сказали, подумали, написали. Употребленное другимъ, это слово будетъ уже другое; оно-же, употребленное вами въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, будетъ опять инымъ. Такимъ образомъ, существуетъ столько словъ *домъ, огонь, небо* и т. д., сколько разъ

они были употреблены въ рѣчи. Ибо слово не есть вещь, которою пользуется одинъ, потомъ другой, и которая остается все тою-же вещью. Рѣчь есть процессъ психи, и слово—это отдѣльный актъ мысли. Поэтому тѣ слова, которыя проставлены въ словаряхъ, не суть настоящія слова, а только ихъ обобщенія, отвлеченныя схемы отдѣльныхъ актовъ мысли. И то, что я выше говорилъ о *готовыхъ словахъ*, которыя даны говорящему и которыя онъ употребляетъ по своему, нужно понимать такъ: были миллионы актовъ мысли (миллионы словъ „домъ“, словъ „огонь“ и т. д.), къ этимъ миллионамъ я прибавляю еще одинъ лишній актъ (говоря „домъ“, употребляя слово „огонь“); были миллиарды отбѣнокъ, къ которымъ я присоединяю еще одинъ. Эти отбѣнки такъ нечувствительны, что ихъ результаты могутъ быть замѣчены только по истеченіи большого періода времени. Для сознанія говорящаго эти измѣненія незамѣтны. Онъ и не подозрѣваетъ, что въ процессѣ своей рѣчи создаетъ по каплямъ новыя представленія, новыя значенія. Онъ не подозрѣваетъ, что, говоря, *присоединяетъ свою индивидуальную работу мысли къ муравьиной работѣ миллионной*, строить дальше зданіе, воздвигавшееся многими поколѣніями, растущее вѣками. Но то, что скрыто отъ сознанія самихъ муравьевъ, открывается постороннему наблюдателю. Геніальнымъ взмахомъ мысли В. Гумбольдтъ предугадалъ истину, опредѣливъ процессъ рѣчи вышеприведенной формулою: „говорить значитъ связывать свое индивидуальное мышленіе съ общимъ мышленіемъ народа и чело-вѣчества“. Теперь, послѣ изслѣдованій Потебни, мы можемъ эту формулу видоизмѣнить такъ: говорить значитъ актомъ своего индивидуальнаго мышленія прибавлять микроскопическія измѣненія къ тѣмъ, которыя уже накопились миллиардами предшествовавшихъ актовъ мысли.

Сравнительная исторія языка и есть та наука, которая призвана изслѣдовать этими вѣками обнаруживающіяся метаморфозы языка, оцѣнивать ихъ результаты и такимъ образомъ изучать *эволюцію* мысли чело-вѣческой. Эту грандіозную задачу и преслѣдовалъ Потебня въ своихъ синтаксическихъ изысканіяхъ къ которымъ мы теперь и обратимся.

III.

Предметомъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области синтаксиса русскаго языка Потебня избралъ вопросъ о „составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ“. Этому замѣчательному труду, пролагающему новые пути наукѣ, онъ предпослалъ большое „Введение“, само по себѣ составляющее трудъ классической. По своему содержанію, оно непосредственно примыкаетъ къ этюду „Мысль и Языкъ“, съ которымъ мы имѣли дѣло до сихъ поръ, и заключаетъ въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ и общихъ вопросовъ Языкознанія. Здѣсь разъясняется, чтó такое слово, чтó такое грамматическая форма вообще и ея различныя категоріи въ частности, чтó такое предложеніе и его части.

Намъ необходимо теперь познакомиться съ важнѣйшими положеніями, здѣсь установленными, въ особенности съ тѣми, которыя относятся къ понятію *грамматической формы и члена предложенія*.

Опредѣленіе слова, данное выше („единство членораздѣльнаго звука, значенія и представленія“) годится только для языковъ простѣйшаго строенія, не имѣющихъ грамматическихъ формъ (каковъ напр. китайскій). Но для языковъ флексивныхъ, т. е. имѣющихъ грамматическій строй, оно недостаточно, потому что въ такомъ языкѣ всякое слово, кромѣ звука, значенія и представленія, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто, именно *формальное* или *грамматическое значеніе*. Говоря напр. „верста“, я совершаю *актъ мысли*, въ которомъ соединяю со звуками *верста* понятіе напр. о 500-саженномъ разстояніи и еще сознаніе того, что это есть *существительное женскаго рода единственнаго числа въ именит. надежѣ*. Такое сознаніе присуще не только человѣку, учившемуся грамматикѣ, но и всякому безграмотному, съ тою лишь разницею, что послѣдній, не зная терминовъ, не можетъ осмыслить и выразить это свое грамматическое сознаніе. Тѣмъ не менѣе и для него, какъ и для насъ, учившихся, вполне ощутительна не только лексическая, но и грамматическая разница между *верста* и *верстовой, постройка* и *строить, говорю* и *разговоръ* и т. д.

Понятіе „500 сажень“, а равно и другія, прежде соединявшіяся съ тѣмъ же звуковымъ комплексомъ *верста* (возрастъ: отъ млады версты, юнъ верстою, откуда *сверстникъ*; *пара*, *ровня*: божественная и свѣтлозарная *вьрета* Борисе и Глѣбе, — „Изъ зап. по рус. грам. 21—3) составляютъ лексическія или вещественныя значенія слова *верста* или точнѣе различныхъ одновучныхъ словъ „верста“. Свойство тѣхъ же словъ быть существ. жен. р. ед. ч. и т. д. образуетъ ихъ грамматическое или формальное значеніе. Последнее по отношенію къ первому есть своего рода *представленіе*. Въ своей грамматической категоріи *верста* *представлена* какъ существо жен. рода. Такія представленія были живы на раннихъ ступеняхъ мысли, когда вещи понимались какъ живыя существа, а равно и позже, когда такое пониманіе стало *фикціею*, но—фикціею, еще живо затрогивавшею мысль, такъ что представленія, вызывавшіяся грамматическою формою, напр. женскимъ родомъ, множеств. числомъ и пр., еще воспринимались сознаниемъ въ качествѣ извѣстнаго способа пониманія вещей, точки зрѣнія на нихъ. Съ теченіемъ времени и это значеніе (для мысли) грамматической формы блекнетъ, представленіе, въ ней нѣкогда заключавшееся, стирается, и она остается только какъ *форма*. Всѣ мы хорошо знаемъ, что *верста*—сущ. жен. рода, а *домъ*—сущ. муж. р., но въ насъ эти грамматическіе признаки не вызываютъ никакого живаго представленія, которое бы подсказывало намъ извѣстный способъ пониманія этихъ вещей, устанавливало бы извѣстную точку зрѣнія на нихъ. Мы не знаемъ и не интересуемся знать, почему *домъ*—муж. рода, а *верста*—жен., а не наоборотъ. Разница между чисто-формальнымъ значеніемъ грамматической формы и ея былымъ значеніемъ живаго представленія можетъ быть ощутима, когда мы, съ поэтическими или риторическими цѣлями, оживляемъ умершее представленіе, нѣкогда жившее въ данной формѣ, или вкладываемъ въ нее новое, напр. „Природа, какъ любвеобильная мать, питаетъ тварей“; здѣсь уже самый женскій родъ слова „прѣрода“ имѣетъ значеніе живаго представленія; напротивъ, въ выраженіи „ислѣдователь явленій природы“ этотъ женскій родъ не имѣетъ уже ровно

никакого значенія, и эффектъ фразы былъ-бы тотъ-же и при муж. или сред. родѣ.

Забвеніе живыхъ представленій, нѣкогда связывающихся съ грамматическими формами, играетъ ту же благотѣтельную роль въ развитіи мышленія, какую выше мы приписали забвенію внутренней формы словъ въ процессѣ образованія понятій. Исчезновеніе живаго признака въ грамматической категоріи есть превращеніе прежней вѣры или убѣжденія въ *фикцію*, которая въ свою очередь все болѣе блѣднѣетъ. Пока человѣкъ живо и наглядно представлялъ себѣ черты, подсказываемыя грамматическою формою слова, онъ тратилъ на одинъ актъ мысли гораздо больше умственной энергіи и времени, чѣмъ теперь, когда онъ ихъ не мыслитъ въ ихъ отдѣльности, а только пассивно воспринимаетъ ихъ знаки, какъ фикцію. Говоря *лошадь, истина, востокъ, заря*, я уже не обременяю своей мысли представленіемъ лошади непременно въ жен. родѣ (я включаю въ среду значенія этого слова и жеребцовъ),—истины и зори—какъ существъ съ конкретными атрибутами, востока—какъ живаго дѣятеля муж. пола. Вся эта, необходимая въ глубокой древности, нынѣ излишняя, затрата мыслительной энергіи устранена, примѣрно, такъ, какъ въ математикѣ иксы, игреки и другіе знаки избавляютъ ученаго отъ лишней затраты времени и мысли, неизбѣжной при употребленіи терминовъ болѣе „полновѣсныхъ“, которые своей словесной содержательностью (напр. „неизвѣстная величина“ вмѣсто x) задерживали бы движеніе мысли.—Энергія мысли, освобожденная отъ необходимости затрачиваться на мышленіе самой грамматической формы, устремляется въ другія сферы, затрачивается болѣе производительно на выработку новыхъ точекъ зрѣнія или приемовъ мышленія.

„Моменты вещественный и формальный“—говоритъ Потебня—, различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не

два или болѣе, и живутъ въ-сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе¹⁾, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, не обходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильного употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество передъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли“. („Изъ записокъ по русской грамм.“ 2, стр. 27).

Изъ приведеннаго мѣста между прочимъ видно, что *грамматическія категоріи* вообще и такъ-назв. *части речи* въ особенности должны быть разсматриваемы какъ рубрики, по которымъ классифицируются наши представленія, или—точнѣе—какъ раздѣльные акты мысли, производящіе такую классификацію. Сущность процесса состоитъ въ томъ, что, принимая наши *впечатлѣнія (воспріятія)* за *признаки* самихъ вещей, мы смотримъ на эти признаки съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно тому, каковымъ представляется намъ отношеніе признака къ предмету. Во-первыхъ, мы можемъ смотрѣть на извѣстный признакъ, какъ на присущій предмету, пассивно ему принадлежащій, данный въ немъ: *снѣгъ бѣлый, бѣлая бумага, свѣтлое небо, темная ночь*. Апперцепированный въ словѣ, такой признакъ даетъ *имя прилагательное*. Во-вторыхъ, мы можемъ разсматривать признакъ не какъ данный заранѣе въ предметѣ, не пассивно ему принадлежащій, а какъ производимый его дѣятельностью, продуктъ его энергіи:

1) Т. е. „индоевропейскіе“.

снѣгъ *блѣтитъ* (какъ-бы самъ производитъ свою бѣлизну), солнце *свѣтитъ*, ночь *темнѣетъ*. Апперцепція такого признака въ словѣ есть *глаголь*. Далѣе, признакъ можетъ быть понятъ, какъ производимый дѣятельностью предмета, но, разъ онъ усмотрѣнъ и вниманіе на немъ сосредоточено, онъ можетъ быть отнесенъ къ предмету, какъ его свойство. Такая точка зрѣнія, выраженная въ словѣ, создаетъ часть рѣчи, въ которой глагольность соединена съ прилагательностью, при чемъ послѣдняя беретъ верхъ надъ первою. Это—такъ-назыв. *причастіе*: *блѣтющій* снѣгъ, *свѣтящее* солнце, *темнѣющая* ночь.

Въ этихъ трехъ частяхъ рѣчи имѣеть мѣсто выдѣленіе изъ массы признаковъ, составляющихъ предметъ, одного, на который и обращается вниманіе, при чемъ въ словѣ апперцепируется не самъ по себѣ этотъ признакъ, а его отношеніе къ предмету: въ прилагательномъ выражена его принадлежность предмету, въ глаголѣ—его отношеніе къ предмету, какъ продукта къ производителю, въ причастіи—оба отношенія вмѣстѣ. Но возможна еще одна точка зрѣнія, въ силу которой извѣстный признакъ не выдѣляется изъ совокупности другихъ, т. е. изъ предмета, а схватывается словомъ именно для обозначенія этой совокупности. Медвѣдь имѣеть много признаковъ, но языку незачѣмъ перечислять ихъ всѣхъ, а достаточно указать одинъ, который почему-либо представляется характернымъ, внутреннею формою слова (медвѣдь ѣсть медъ), или другой, извлеченный изъ значенія (медвѣдь—животное четвероногое). Мы наблюдаемъ здѣсь три акта мысли, составляющіе одно цѣлое, одинъ умственный процессъ: одинъ, которымъ апперцепируется подлежащее, другой, которымъ схватывается какой-либо изъ его признаковъ, и третій, при помощи котораго устанавливается въ сознаніи то особаго рода отношеніе этого признака къ подлежащему, которое называется *предикативнымъ*. Въ выраженіи „бѣлый снѣгъ“ атрибутъ „бѣлый“ не предикативенъ (не сказуемое): онъ здѣсь *опредѣленіе*, и все выраженіе еще не есть сужденіе. Но если тотъ-же атрибутъ выдѣленъ изъ подлежащаго и потомъ приписанъ ему такъ, какъ будто онъ не былъ въ немъ усмотрѣнъ раньше, какъ будто онъ только-что

открытъ, то онъ становится *предикатомъ* (сказуемымъ): снѣгъ бѣлъ, снѣгъ бѣлѣтъ. Этотъ предикать—онъ-же грамматическое сказуемое—не долженъ быть смѣшиваемъ съ предикатомъ логическимъ. Послѣдній есть лишь отвлеченіе отъ психологическаго процесса, осуществляющагося силою языка, именно вышеуказаннаго процесса разложенія образа на признаки и возведенія одного изъ нихъ на степень предиката. Разница между тѣмъ и другимъ станетъ ясною для насъ, если вспомнимъ, что логика не знаетъ ни дополненій, ни обстоятельствъ, и для нея предикать—это все, что отнесено къ субъекту, т. е. логическій предикать заключаетъ въ себѣ грамматическое сказуемое вмѣстѣ съ второстепенными частями, къ нему относящимися, такъ же какъ и логическій субъектъ совмѣщаетъ въ себѣ грамматическое подлежащее и его опредѣленія и дополненія. Такъ напр. сужденіе „эта французская книга доставила мнѣ большое удовольствіе“ съ точки зрѣнія логики состоитъ только изъ двухъ частей, т. е. изъ двухъ актовъ мысли, субъекта (эта французская книга) и предиката (доставила мнѣ большое удовольствіе). Въ дѣйствительности, т. е. психологически, здѣсь не два, а цѣлыхъ 7 актовъ мысли, потому что психологически и грамматически подлежащее вовсе не сливается въ одинъ актъ мысли со своими опредѣленіями, а сказуемое со своими дополненіями въ другой. Пока я схватываю мыслью опредѣленіе „эта“, я не могу заодно напр. тотъ, что это животное ѣстъ медъ. Выраженный въ словѣ „медвѣдь“, этотъ признакъ служить представителемъ всѣхъ прочихъ признаковъ медвѣдя и обозначаетъ весь предметъ цѣликомъ въ его единствѣ, въ его отдѣльности отъ другихъ предметовъ. Такое слово есть имя существительное. Какъ извѣстно, съ теченіемъ времени представленіе, схваченное въ словѣ, подлежитъ забвенію, но самое—то слово удерживаетъ свойство обозначать данный предметъ: домъ, огонь, солнце. Въ этомъ видѣ существительное указываетъ на совокупность признаковъ, составляющихъ предметъ, не выдвигая впередъ ни одного изъ нихъ. Какъ при наличности внутренней формы такъ и безъ нея, существительное есть актъ мысли, которыми мы апперцепируемъ субстанціальность вещей, при чемъ мы

можемъ ее апперцепировать какъ тамъ, гдѣ она находитъ свое оправданіе въ дѣйствительности, такъ и тамъ, гдѣ она такого оправданія не находитъ. Въ послѣднемъ случаѣ существительныя выражаютъ субстанціи *фиктивные*: отъ различныхъ предметовъ отвлекается признакъ, общій имъ всѣмъ, напр. признакъ бѣлизны отъ снѣга, камня, бумаги и т. д., и затѣмъ этому признаку приписывается субстанціальность, которой въ дѣйствительности онъ не имѣетъ. Съ этой точки зрѣнія воспроизведенный въ словѣ, онъ даетъ бытіе существительному *бѣлизна*.

Теперь обратимся къ членамъ предложенія. Мы уже знаемъ, что въ примитивномъ словѣ-сужденіи заключено цѣлое предложеніе, въ которомъ выраженъ лишь одинъ *предикатъ* (сказуемое). Изъ такого одночленного предложенія развиваются двучленные (съ подлежащимъ и сказуемымъ) и многочленные (съ подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ, опредѣленіемъ, обстоятельствомъ) черезъ разложеніе образа на его признаки и опредѣленіе въ словѣ различныхъ отношеній признаковъ къ предмету. Первый шагъ въ этомъ процессѣ состоитъ въ томъ, что сказуемое, которое одно только и выражено въ предложеніи одночленномъ („жижа“ о солнцѣ, „медвѣдь“ объ извѣстномъ животномъ), превращается въ подлежащее, а въ сказуемомъ схватывается посредствомъ другого слова какой-бы то ни было признакъ этого подлежащаго, напр. тотъ, который уже указанъ схватить и другое („французская“) да еще въ добавокъ и подлежащее „книга“, и какъ бы скоро я ни переходилъ отъ одного къ другому, всетаки для каждаго изъ нихъ нуженъ особый моментъ, отдѣльный актъ мышленія. То же самое относится и къ сказуемому съ его дополненіями: я держу въ умѣ раздѣльно сказуемое „доставила“ и дополненія „мнѣ“, „удовольствіе“, отдѣляя мыслью отъ послѣдняго его атрибутъ „большое“. Такимъ образомъ, сужденіе, какъ процессъ психолого-грамматическій, есть движеніе мысли, дробящейся на отдѣльные моменты, которые логика не различаетъ. Оттуда выводъ: опредѣленіе грамматическаго предложенія не можетъ быть выведено изъ понятія о сужденіи логическомъ.

Послѣднее есть неизмѣнная схема, равно обязательная для всѣхъ временъ и народовъ. Первое постоянно измѣняетъ свой строй и духъ по народностямъ (по языкамъ) и во времени. Потребнѣ принадлежитъ та заслуга, что онъ первый доказалъ это строго—научнымъ образомъ. А риги же оно можетъ быть выведено слѣдующимъ путемъ. Быше мы видѣли, что части рѣчи суть раздѣльные акты мысли, которыми мы апперцепируемъ отношеніе признака къ предмету. Далѣе, говоря о предложеніи и его частяхъ, мы нашли, что они суть также раздѣльные акты мысли, которыми устанавливаются извѣстныя отношенія сказуемаго къ подлежащему, опредѣленія къ опредѣляемому, дополненія къ дополняемому. Всмотриваясь въ эти отношенія, мы замѣчаемъ, что въ сущности они суть тѣ-же которыя апперцепированы въ частяхъ рѣчи. Такъ напр. въ *существительномъ* мысль схватываетъ „предметъ“,—то же самое дѣлаетъ и *подлежащее* съ тою-лишь разницею, что ставитъ этотъ предметъ въ положеніе дѣйствующаго лица; въ *прилагательномъ* указанъ признакъ, данный въ предметѣ,—то же самое указано *опредѣленіемъ* „бѣлый снѣгъ“ и частью сказуемаго „снѣгъ (есть) бѣлъ“; глаголь обозначаетъ признакъ, производимый энергіею предмета,—такъ же точно и сказуемое *бѣлеть* выражаетъ результатъ энергіи подлежащаго *снѣгъ* и т. д. Однимъ словомъ, *части рѣчи* и *члены предложения* это только различныя названія одного и того же явленія. Это двѣ точки зрѣнія (этимологическая и синтаксическая) на одинъ и тотъ же психологическій процессъ. Оттуда, полное сліяніе этимологін съ синтаксисомъ составляетъ идеальную цѣль лингвистики, и нигдѣ оно не было доведено до такой полноты, какъ именно въ трудахъ Поттебни.

Но извѣстно, что *части рѣчи* не стоятъ неподвижно, что они измѣняются въ теченіе вѣковъ, и эти измѣненія формъ и составляли до сихъ поръ предметъ „исторіи языка“,—исторіи, которую можно назвать внѣшнею. Если же части рѣчи мѣняются, имѣютъ исторію, то неизбежно должно измѣняться и имѣть исторію и *предложеніе*. Оттуда выводъ Поттебни, что нельзя дать общаго, неподвижнаго опредѣленія *предложения*, какъ можно и должно сдѣлать это для *логическаго сужденія*, а слѣдуетъ доиски-

ваться отдѣльными, частныхъ опредѣленій *различныхъ типовъ предложений*—для каждой эпохи особо. „Въ языкѣ нѣтъ“—говоритъ Потебня—„ни одной неподвижной грамматической категории. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбежно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно *предложенія*, подобно тому какъ неизбежно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпичей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбежно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей“ (Изъ зап. по рус. грам. ² 7 в—77).—„Интересъ исторіи именно въ томъ, что она не есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ (основнаго взгляда на языкъ, какъ на измѣничивый органъ мысли, слѣдуетъ, что исторія языка, взятаго на значительномъ протяженіи времени, должна давать рядъ *опредѣленій предложеній*“ (ibid. 77).

Своими глубокими изслѣдованіями Потебня положилъ основаніе *внутренней исторіи языка*,—онъ открылъ *законъ эволюціи предложенія*, т. е.—мысли, и это открытіе по праву должно быть названо великимъ.

Если возьмемъ предложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ является оно въ настоящее время, въ развитыхъ языкахъ, то найдемъ, что оно по преимуществу *глагольно*, т. е. его центр тяжести—въ *глагольномъ сказуемомъ*. Подлежащее нерѣдко отсутствуетъ, глаголъ—сказуемое—никогда: случаи, когда глаголъ опускается, не означаютъ его отсутствія, ибо—*невыраженный словомъ—онъ тѣмъ не менѣе существуетъ въ мысли, какъ напр. нашъ глаголъ есть*¹⁾. Напротивъ того, въ современномъ предложеніи *подлежащее* часто *фактически* отсутствуетъ даже тогда, когда оно выражено особымъ словомъ. Потебня считаетъ предложеніями безъ подлежащаго не только такія, какъ „свѣтаетъ“ „топнить“ и пр., но и такія, какъ „я сказалъ“ съ удареніемъ на глаголѣ, потому что мѣстоименіе „я“ здѣсь—только замѣна отсутствующаго окончанія въ глаголѣ (сказалъ) и вовсе не слу-

¹⁾ Стоитъ только взять вмѣсто наст. врем. прошедшее или будущее, чтобы убѣдиться въ этомъ: „Петръ Великій (есть) гелій“, но „Петръ В. былъ гелій“.

жить характеристикою дѣйствующаго лица. Другое дѣло „я сказалъ“ съ удареніемъ на „я“: мѣстоименіе является здѣсь не просто замѣстителемъ личнаго окончанія, но указываетъ на дѣйствующее лицо, заставляя мыслить его конкретные признаки; оно здѣсь—замѣна извѣстнаго *существительнаго*.

Глаголь въ сказуемомъ играетъ двойную роль: 1) онъ можетъ наполнять собою все сказуемое цѣликомъ и 2) можетъ составлять только часть его. Возьмемъ два предложенія: „Петръ Великій царствовалъ самодержавно“ и „Петръ Великій былъ самодержавный царь“. Эти два предложенія покажутся равносильными только для поверхностнаго взгляда, невооруженнаго лингвистическою наблюдательностью. Если даже допустимъ (чего, строго говоря, нѣтъ), что ихъ содержаніе одно и то же, то способъ, какимъ оно схвачено въ томъ и другомъ, различенъ, различіе находится въ сказуемомъ. Въ первомъ сказуемое „царствовалъ“ выражено однимъ глаголомъ и составляетъ *одну актъ мысли*. Во второмъ оно выражено двумя словами (глаголомъ *былъ* и существительнымъ *царь*) и при томъ такъ, что эти два слова образуютъ не одинъ, а именно *два акта мысли*. Сказуемое перваго предложенія есть *простое*, сказуемое втораго—*составное*. Составное сказуемое не нужно смѣшивать съ такъ называемыми сложными или описательными временами (изъ вспомогательнаго глагола и причастія или неопр. накл.), каковы франц. *je suis venu, j'ai pris*, нѣм. *ich habe genommen, ich bin gekommen*, наши старинныя „*есть взялъ*“, „*есть умрълъ*“, (откуда нынѣшнія *взялъ, умеръ*). Всѣ эти сложные времена, хотя и состоятъ изъ двухъ словъ, но суть сказуемыя простыя, а не составныя, потому что заключаютъ въ себѣ только одинъ актъ мысли, а не два: Французъ не мыслитъ *suis*, какъ самостоятельный глаголь, отдѣльно отъ *venu*: въ его сознаніи оба слова сливаются въ одинъ актъ мысли. Напротивъ, тотъ же глаголь *suis* въ предложеніи „*je suis pauvre*“ уже не сливается въ одинъ актъ съ прилагательнымъ *pauvre*, и сказуемое здѣсь—составное (изъ двухъ актовъ).

Всѣ описательныя времена (*je suis venu, ich bin gekommen* и т. д.) возникли изъ прежнихъ составныхъ сказуемыхъ,

черезъ превращеніе двухъ актовъ мысли въ одинъ. Такое именно превращеніе повторяется вновь, когда мы отъ предложенія „Петръ В. *былъ царь* самодержавный“ переходимъ въ предложенію „Петръ В. *царствовал* самодержавно“. Сущность процесса состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ составнымъ сказуемымъ „былъ царь“, такъ и простымъ „царствовалъ“ схваченъ одинъ и тотъ же признакъ подлежащаго „Петръ В.“, но схваченъ различнымъ образомъ, съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Точка зрѣнія, представляемая составнымъ сказуемымъ, состоитъ въ томъ, что въ субстанціи „Петръ В.“ усматривается присутствіе другой субстанціи „царь“ и отношеніе этой послѣдней къ подлежащему мыслится особымъ актомъ мысли, выражающимся въ глаголѣ „былъ“. Такъ какъ этотъ глаголъ устанавливаетъ извѣстную связь между двумя субстанціями, то удобнѣе всего называть его *связкою*. Съ точки зрѣнія простаго сказуемаго „царствовалъ“, въ подлежащемъ не усматривается никакой другой субстанціи, кромѣ той, которая непосредственно выражена имъ самимъ („Петръ В.“), но за то въ немъ открытъ *энергія, дѣятельность*, прямо производящая данный признакъ („царствовалъ“), въ силу чего уже нѣтъ надобности мыслить *связку*.

Если бы я задался цѣлью изложить въ популярной формѣ все „введеніе“ въ изслѣдованіе о „составныхъ членахъ предложенія“, то мнѣ пришлось бы написать цѣлый томъ. То небольшое, но существенное, что изложено въ этой главѣ, представляется мнѣ достаточнымъ для пониманія нижеслѣдующаго, а равно и для того, чтобы облегчить читателю—неспеціалисту изученіе классическаго труда Потебни въ его подлинникѣ.

IV.

Въ языкѣ (какъ и во всемъ, что подчиняется закону эволюціи) новыя явленія возникаютъ постепенно, и столь же постепенно отживаютъ старыя, такъ что каждый данный мо-

ментъ въ исторіи языка представляетъ причудливую смѣсь стараго съ новымъ. Если мы вырвемъ такой моментъ изъ его связи съ другими и будемъ разсматривать его отдѣльно, то пожалуй и не разберемъ, что въ немъ старое, отживающее, и что новое, нарождающееся. Но стоитъ только взять рядъ моментовъ, обзрѣть явленія языка на большомъ пространствѣ времени, и тогда само собою обнаружится, какія изъ нихъ идутъ на убыль, какія развиваются дальше или вновь возникаютъ.

Къ числу явленій, весьма обычныхъ встарину, характерныхъ для стараго языка и совсѣмъ исчезнувшихъ въ современномъ русскомъ, принадлежатъ между прочимъ сочетанія причастій дѣйствительныхъ съ разными глаголами для выраженія составнаго сказуемаго. Нужно оговориться, что въ данномъ случаѣ устраняются изъ разсмотрѣнія сочетанія причастій на—*ль* (даль, взялъ, былъ) съ разными формами глагола *есмь*, потому что эти сочетанія уже въ глубокой древности потеряли характеръ составнаго сказуемаго, превратившись въ описательныя времена. Мы будемъ имѣть въ виду пока только причастія дѣйствительныя наст. и прош. врем. на—*щій, чій, — шій, шій*. Изъ большаго количества собранныхъ Потребнею фактовъ, сюда относящихся, мы выберемъ лишь нѣсколько церковнославянскихъ и древнерусскихъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе о явленіи, представляющемъ большой психологическій интересъ.

Въ Евангеліи Луки (18, 11—12) фарисей говоритъ, что онъ не такой, какъ другіе, что онъ постится и даетъ десятину. Въ греческомъ текстѣ послѣдніа два сказуемыхъ такъ и выражены — соответственными глаголами (*νηστεω* — пощусь, *ἀποδεχάτω* — плачѹ десятину); такъ-же переведено по церковнославянски въ Маріинскомъ Еванг. (поштѣся, дамъ), но не такъ въ строміровомъ Ев., гдѣ простыя сказуемыя „пощусь“, и „дамъ десятину“ переведены не буквально“, а скорѣе „вольно“, сказуемыми составными (изъ причастій и подразумеваемаго глагола *есмь*): (есмь) алѣча, (есмь) десатинѣ дамъ. Славянскій переводчикъ замѣчаетъ Потребня, въ даномъ случаѣ сообразо-

вался съ требованіями своего языка, и смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я—исправный плательщикъ десятины. („Изъ зап. по русс. Грамм.“, 128).

Подобные обороты весьма характерны не только для церковно-славянскаго, но и для древнерусскаго языка, и мы въ изобиліи находимъ ихъ въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ:

Си же (яниі языци, иже дань даютъ Руси) *суть* свой языкъ *имущи*—имѣютъ свой языкъ.

И *естъ* та церкви *стоящи* въ Корсунѣ градѣ—церковь стоитъ.

Суть же кости его и доселѣ тамо *лежаще*—лежатъ.

Буди *упѣвая* на Господа—букв. „будь уповающій“—уповай.

И *бѣ* *обладая* Олегъ Поляны—букв. „былъ обладающій“—обладалъ Полянами.

И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, *бѣ* бо *имущи* презвутерь—ибо имѣла пресвитера.

Въ настоящее время подобные обороты невозможны: мы ихъ замѣняемъ либо простыми глагольными сказуемыми, либо составными, но не изъ причастій, а изъ *именъ существительныхъ*. Мы не скажемъ „церковь есть стоящая“, „Ольга была имѣющая“, „я—постящійся“, а скажемъ: церковь *стоитъ*, Ольга *имѣла*, я *пошусь*, или я—*постникъ*.

Еще болѣе чуждо нашему теперешнему языку сочетаніе тѣхъ-же причастій съ другими глаголами, которые встарину служили „связками“ наравнѣ съ глаголомъ *бытъ*. Напр. въ церковно-слав.

Мнѣяхъ доухъ *видаще* (Остром. Ев.)—букв. „думали духъ *видяще*“, что нынѣ невозможно; мы скажемъ: думали, что видятъ.

Въ древнерусскомъ:

Данило... *сожалиси* *отславъ* сына си Лва и воѣ (Ипат. Лѣт.). Въ *буквальномъ* переводѣ на современный языкъ выйдетъ „пожалѣлъ отославшій сына“, что невозможно. Если же вмѣсто причастія *отславъ* поставитъ наше дѣепричастіе, то получится другой смыслъ: лѣтописная фраза вовсе не значитъ „отославши сына и воиновъ, Данило пожалѣлъ“, но „пожалѣлъ, что отославъ“.

И яко сконча зижса (окончивъ строить), украси ю (церковь) иконами.

Святославъ.... *стиде княжа*.—Это не значитъ, что онъ „сѣлъ въ то время, какъ княжилъ“: это значитъ „сѣлъ (чтобы) княжить“.

Всѣ эти старыя обороты знаменуютъ собою такое состояніе мысли, которое мало приспособлено для апперцепціи предиката въ формѣ чисто-глагольной. Человѣкъ, который говоритъ „я есмь любящій“ вмѣсто „я люблю“, схватываетъ въ сказуемомъ признакъ „любить“ не въ формѣ энергіи подлежащаго, а въ видѣ признака, въ немъ обнаруживающагося, выражая этотъ признакъ причастіемъ и связывая послѣднее съ подлежащимъ при помощи вспомогательнаго глагола. Въ роли глагола—связки выступаютъ не только такія формальные глаголы, какъ быть, являться, казаться, именоваться, но и такія, какъ думать, окончить, сѣсть, и т. д. Нѣкоторые изъ послѣднихъ и въ современномъ языкѣ могутъ играть роль связокъ, но только въ соединеніи не съ причастіемъ, а съ неопред. наклоненіемъ (сѣлъ княжить, окончилъ строить), о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Старый оборотъ съ причастіемъ въ сказуемомъ и глаголомъ—связкою имѣетъ какъ бы два равносильные центра: *имя* въ подлежащемъ и другое *имя-же* (причастіе) въ сказуемомъ. Такое предложеніе, сравнительно съ нынѣшнимъ, представляется плохо скрѣпленнымъ и какъ-бы готовымъ распасться на части. Когда мы говоримъ „церковь стоитъ“, «Ольга имѣла священника», то центръ тяжести мысли сосредоточивается у насъ въ глаголь-сказуемомъ (стоитъ, имѣла). Такого центра тяготѣнія нѣтъ въ старыхъ оборотахъ „церковь есть стоящая“, „Ольга была имѣющая“, гдѣ глаголь-связка не обладаетъ полною предикативною силою, большая часть которой падаетъ на причастіе. Послѣднее, въ силу своей предикативности, легко вытѣсняетъ соответственные глаголы, которые такимъ образомъ существуютъ въ языкѣ, но остаются какъ бы не у дѣль. Мысль еще не привыкла орудовать глаголами и сосредоточиваться на представленіи энергіи подлежащаго. Даже употребляя глагольный оборотъ, она повидимому не вполне сознаетъ всю силу сказуемаго-гла-

гола и рядомъ съ нимъ ставить причастіе, какъ форму по своей предикативности равносильную глаголу. Оттуда между прочимъ обороты, которые для нашего сознанія орудующаго глаголами и не придающаго большой предикативной силы причастію, кажутся безобразными, напр. „зауѣтра *взставъ и рече*“, „*взсплакавъ и рече*“, буквально „*вставшій и сказалъ*“, „*заплакавшій и сказалъ*“ вмѣсто „*всталъ и сказалъ*“, „*заплакалъ и сказалъ*“. «Наша рѣчь (говорить по поводу этихъ оборотовъ Потебня, „Изъ зап.“, 187) вообще компактнѣе древней. Въ настоящемъ случаѣ („онъ вставши сказалъ“) она характеризуется тѣмъ, что въ ней дѣепричастіе весьма тѣсно связано со сказуемымъ и тяготѣетъ только къ нему, такъ что сказуемое съ дѣепричастіемъ рѣшительно перевѣшиваетъ подлежащее. Союзъ въ „вставши и сказалъ“ намъ претитъ потому, что противорѣча вышеупомянутому тяготѣнію дѣепричастія, вносить въ рѣчь распущенность; но безобразное въ нынѣшнемъ языкѣ могло не быть такимъ въ древнемъ, если было знаменіемъ его строя. Въ древнемъ языкѣ на мѣстѣ нашего дѣепричастія стояло причастіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что въ древнемъ „вставъ и рече“ присутствіе союза дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ свойство оборота, существовавшее и безъ союза, именно то, что въ предложени — два почти равносильные центра“.

Тотъ-же предикативный характеръ старыхъ причастій, т. е. ихъ способность быть сказуемымъ даже безъ помощи глагола-связки, обнаруживается въ другого рода оборотахъ, а именно когда оно играетъ роль самостоятельнаго сказуемаго въ придаточномъ предложени, соединенномъ съ главнымъ посредствомъ относительнаго слова (мѣстоименія или союза). Такъ фраза „они не вѣдаютъ, что творять“ имѣла въ церковно-слав. такой видъ: не вѣдаты бо са, что твораше—букв. не вѣдаютъ, что *творящие*. Въ старо-русскомъ сюда относятся:

И не бысть, кто помилуя ихъ—букв. „не былъ, кто помилующій ихъ“, т. е. некому было сжалиться надъ ними.

По смерти же великаго князя Болеслава, не бысть *кто княжа* въ Лядской земли,—букв. „не былъ, кто княжащій“—некому было княжить.

И тако съступиша, еже рекше—букв. „отступили отъ того, что сказавше“—не исполнили того, что обѣщали.

Такиѣ обороты Потебня указываетъ въ старыхъ памятникахъ чешскихъ и польскихъ, а также въ современномъ литовско-латышскомъ, который, какъ извѣстно, сохранилъ много архаическаго.

Итакъ, причастія дѣйствительныя въ старинномъ языкѣ могли играть роль *сказуемаго* и притомъ—не только въ соединеніи съ глаголами—связками, но и безъ нихъ, сами по себѣ. Это значитъ, что они имѣли большую *предикативную* силу. Въ настоящее время они лишены этой силы, не употребляются въ качествѣ сказуемыхъ, и ихъ роль органичивается сферою *атрибутивности*, т. е. они служатъ въ качествѣ „опредѣлений“. Но и здѣсь ихъ употребленіе нерѣдко замѣняется другими оборотами, въ особенности *дѣепричастіемъ*, т. е. нарѣчіемъ, происшедшимъ отъ стараго причастія. Въ великорусскомъ народномъ языкѣ эта новая форма совсѣмъ вытѣснила причастія дѣйствительныя, отъ которыхъ остались лишь нѣкоторые обрачки, утратившіе причастный характеръ и превратившіеся въ обыкновенныя прилагательныя (горючій, сыпучій и т. п.) Общерусскій (литературный) языкъ, „вообще проникнутый“, по замѣчанію Потебни, „консервативными стремленіями“ и развившійся подъ непрерывнымъ вліяніемъ церковно-славянскаго, сохранилъ старыя причастія дѣйствительныя ¹⁾, на ряду съ дѣепричастіями но ограничиваетъ ихъ употребленіе другими оборотами:

- 1) вмѣсто прежняго „есть церкви *стоящи*“—церковь *стоитъ*
- 2) вмѣсто стараго „вставъ (прич.=вставшій) рече“—*вставши* (дѣеприч.) сказалъ.
- 3) вмѣсто „сѣде *княжа*“ (прич.)—сѣлъ *княжить* (неопр. накл.).

¹⁾ Прич. дѣйств. наст. врем. сохранилось не въ русской формѣ на—чій, а въ церковно-славянской—на—щій. Русская же форма дала бытіе нѣкоторымъ прилагательнымъ, напр. *горячій*—прич., *горячій*—прилаг.

Весь процесс носить явные признаки дифференціаціи: функція, выполнявшаяся прежде одной формой (причастіемъ), теперь исполняется тремя. Но самое-то предложеніе въ новомъ языкѣ оказывается болѣе цѣльнымъ, болѣе связнымъ, чѣмъ его старый прототипъ, потому что дѣепричастіе и неопред. накл. тѣснѣе примыкаютъ въ мысли къ глаголу, чѣмъ имена, въ томъ числѣ и причастіе. „Вставши сказалъ“ или „сѣлъ княжить“ образуютъ въ сознаниіи два акта мысли, которые весьма тѣсно связаны между собою и составляютъ какъ-бы одно цѣлое, противупоставленное третьему акту мысли—подлежащему:

$$\underbrace{(\text{князь})}_1 + \underbrace{(\text{вставши} + \text{сказалъ})}_2$$

неизмѣняемость^{ос} (несогласуемость) дѣепричастія и неопред. накл. не позволяетъ этимъ формамъ тянуть къ подлежащему, и онѣ тѣснѣе примыкаютъ въ сознаниіи къ сказуемому. Напротивъ причастіе, хотя и составляетъ часть сказуемаго, но согласуясь съ подлежащимъ, не выходитъ изъ сферы тяготѣнія къ этому послѣднему и какъ-бы удаляется отъ глагола связки; помещенное подъ воздѣйствіе этихъ двухъ силъ, влекущихъ его въ разныя стороны, оно, при глаголахъ очень формальныхъ (какъ *есмы*), подавляетъ ихъ своею содержательностью и, согласуясь съ подлежащимъ, является какъ-бы его отраженіемъ въ сказуемомъ:

$$\underbrace{\text{Церковь}}_1 + \underbrace{\text{есть}}_2 + \underbrace{\text{стоящая}}_3$$

Предложеніе носить характеръ трехъ тактовъ, двухъ сильныхъ въ началѣ и въ концѣ, и одного слабого по серединѣ, при чемъ грамматическія функціи двухъ предѣльныхъ актовъ мысли аналогичны: оба выражаются именами (существ. и прич.), оба вызываютъ въ сознаниіи представленіе жен. рода и един. числа. Дѣятельность мысли развивается скачками, а не плавнымъ переходомъ отъ одного акта къ другому. При глаголахъ менѣе формальныхъ, какъ „сѣлъ“ (княжить), причастіе въ сказуемомъ („княжащій“) должно было имѣть огромную предикативную силу, чтобы подавить въ мысли сопротивленіе такихъ глаголовъ какъ „сѣсть“, и не быть понятымъ въ смыслѣ *опредѣленія* подлежа-

жащаго. Въ буквальный переводъ на современный языкъ фраза „N сѣде княжа“ такъ и будетъ понята: N, княжащій сѣлъ... Это потому именно, что мы сосредоточиваемъ предикативность въ глаголь, а причастіе для насъ только опредѣленіе. Оно увлекается въ сферу подлежащаго, и предложеніе принимаетъ форму двухъ темповъ:

$$\underbrace{\begin{matrix} (N, \text{ княжащій}), + \text{сѣлъ} \dots \\ 1 \qquad \qquad 2 \qquad \qquad 3 \end{matrix}}$$

Между тѣмъ какъ въ старомъ оборотѣ оно опять-таки слагалось изъ двухъ сильныхъ ударовъ мысли, въ началѣ и въ концѣ, и слабой скрѣпы формальнымъ глаголомъ между ними:

$$\begin{matrix} N + \text{сѣде} + \text{княжа}. \\ 1 \qquad 2 \qquad 3 \end{matrix}$$

Чѣмъ болѣе предикативной силы имѣетъ причастіе, тѣмъ формальнѣе глаголь—связка, тѣмъ служебнѣе его значеніе. Съ потерей причастіями ихъ предикативной силы, увеличивается „удѣльный вѣсъ“ глагола; онъ перестаетъ быть служебнымъ и формальнымъ и становится самостоятельнымъ сказуемымъ, выступая въ своемъ вещественномъ значеніи. Старый языкъ употреблялъ много такихъ глаголовъ въ чисто-формальномъ значеніи, которые въ настоящее время или совсѣмъ потеряли его или же сохраняютъ нѣкоторую его тѣнь въ соединеніи не съ именами, а съ неопред. наклоненіемъ. Таковъ напр. *сѣсть*. Формальное значеніе его въ предложеніи, N, княжащій, сѣлъ... утрачено, и онъ выступилъ здѣсь въ своемъ вещественномъ (лексическомъ) значеніи, отчего фраза получила другой смыслъ. Но передавая старый оборотъ соответствующимъ ему новымъ, который требуетъ замѣны причастія неопр. наклоненіемъ, мы сохраняемъ за глаголомъ *сѣсть* значеніе связи и вмѣстѣ нѣкоторую формальность: N сѣлъ княжить, гдѣ „сѣлъ“ вовсе не имѣетъ „буквального“ смысла, а равносильно такимъ формальнымъ глаголамъ, какъ *стать*, *начать* и т. п.

Мы говорили пока только о причастіяхъ дѣйствительныхъ наст. и прош. времени (на-щій, -чій, -впій, -шій). Но, вромѣ ихъ, встарину существовало еще одно причастіе дѣйствительное—наль (быль, даль, взяль) и до сихъ поръ существуютъ причастія

страдательныя наст. и прош. врем. (на-мъ, -нъ, -тъ, несомъ, читаемъ, унесенъ, взять). Обозрѣвая всѣ эти причастія, можно расположить ихъ въ порядкѣ убывающей *предикативности*, т. е. способности быть сказуемымъ и, сочетаясь съ глаголомъ, низводить его на степень вспомогательнаго. Съ этой точки зрѣнія, на первомъ планѣ Потебня ставитъ причастіе на-лъ, приписывая ему наибольшую предикативность. Уже въ незапамятныя времена оно, въ своей безчленной формѣ¹⁾, употреблялось для выраженія сказуемаго и, въ сочетаніи съ разными временами глагола *быть*, производило сложныя формы прошедшаго времени и сослагательнаго наклоненія (есмь даль, бѣхъ взялъ, быхъ жилъ). Эти формы были сперва, безъ сомнѣнія, составными сказуемыми (двумя актами мысли), но очень рано, еще до начала славянской письменности, превратились въ „описательныя формы“ (въ одинъ актъ мысли). Предикативная сила причастій на-лъ была такъ велика, что обезличивала вспомогательный глаголь въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлали другія причастія. Такъ, въ сочетаніи „церки есть *стоящи*“ глаголь „есть“, хотя и былъ обезличенъ и превращенъ въ чисто формальный, но не исчезалъ изъ сознанія, занималъ въ процессѣ мысли свое особое мѣсто. Но въ сочетаніи „церки есть *стояли*“ тотъ-же глаголь уже совсѣмъ не мыслился отдѣльно отъ причастія, какъ не мыслится отдѣльно французское *suiv* въ сочетаніи *je suiv veni*. Въ русскомъ яз. съ теченіемъ времени этотъ вспомогательный глаголь совсѣмъ исчезъ, и вся глагольная сила оборота сосредоточивается въ причастіи, которое тѣмъ самымъ и перестаетъ быть причастіемъ и превращается въ настоящій глаголь, каковы наши теперешнія *былъ, далъ, взялъ* и пр. Результатъ получился тотъ самый, который мы указали выше: прогрессъ глагольности въ языкѣ. Въ оборотахъ съ причастіями на-щій и т. д. этотъ результатъ былъ достигнутъ *замтною* при-

¹⁾ Членными формами прилагательныхъ и причастій называются формы на-ий, ая, ое, (бѣлий, ая, ое), ибо въ этомъ окончаніи скрывается старое мѣстоименіе, приставлявшееся къ прилагательному или причастію на концѣ въ качествѣ „члена“ (какъ фр. *le, la*, нѣм. *der die, das*); безчленными называются формы безъ этой приставки (бѣлъ, а, о).

частій глаголами; въ оборотахъ съ причастіемъ *на-ль* онъ получился черезъ *превращеніе* этого причастія въ глаголь.

Еще ниже стояла предикативность причастій страдательныхъ, въ силу чего страдательныя формы глагола (есмь любимъ, бысть взять), не взирая на обезличенность вспомогательнаго глагола, воспринимались мыслию не какъ одна форма, а какъ сочетаніе двухъ. Страницы, посвященныя Потемнею изслѣдованію этихъ причастій, принадлежатъ къ числу изумительнѣйшихъ по силѣ наблюденія тончайшихъ оттѣнковъ мысли. Мы не можемъ передать здѣсь весь ходъ разсужденія (это вовлекло бы насъ въ область слишкомъ спеціальную) и ограничимся сообщеніемъ добытаго результата. Страдательныя причастія оказываются менѣе предикативными, чѣмъ дѣйствительныя; поэтому они менѣе послѣднихъ способны къ сліянію въ одну форму со вспомогательнымъ глаголомъ. Это отразилось на дальнѣйшей судьбѣ этихъ причастій: ихъ предикативность, относительно слабая, не претитъ духу новаго языка, не противорѣчитъ общему стремленію языка къ развитію глагольности предложенія. Поэтому не было надобности устранять ихъ изъ сферы сказуемаго и ограничивать ихъ роль сферою атрибутивности. Съ другой стороны, та-же особенность не дала возможности этимъ причастіямъ совсѣмъ подавить глаголь вспомогательный, какъ это сдѣлали причастія *на-ль* и самимъ превратиться въ глаголы; они остались причастіями. И когда мы говоримъ „онъ любимъ“, то мы сознаемъ, какъ отдѣльный моментъ мысли, отсутствующій глаголь „есмь“, и сказуемое „любимъ“ состоитъ не изъ одного, а изъ двухъ актовъ мысли. Отсутствие вспомогательнаго глагола здѣсь фиктивно: онъ отсутствуетъ, какъ артикулированная форма, но онъ—на лицо, какъ мыслимая грамматическая категорія, какъ грамматическій отпечатокъ этой формы въ сознаніи. И стоитъ только взять прошедшее или будущее время, чтобы она выступила наружу въ видѣ элемента не только мыслимаго, но и артикулированнаго: онъ *былъ* любимъ, онъ *будетъ* любимъ. Не то—въ сочетаніи „онъ любилъ“, гдѣ вспомогательный глаголь (есть), нѣкогда входившій въ составъ оборота, теперь въ самомъ дѣлѣ отсутствуетъ, не только какъ звукъ, но и какъ моментъ мысли.

По степени предикативности, причастія страдательныя приближаются къ именамъ существительнымъ и прилагательнымъ. „Въ новомъ языкѣ“, говоритъ Потебня, „выраженія *онъ любилъ, онъ осужденъ*, по степени грамматической слитности¹⁾, могутъ быть поставлены на одну доску не съ выраженіемъ *онъ любилъ*, заключающимъ въ себѣ наиболѣе предикативное изъ причастій, а скорѣе съ *онъ правъ*. „(Изъ зап., 149)“.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы переходимъ къ вопросу объ *именахъ* (сущ. и прилаг.) въ составномъ сказуемомъ. Убѣдившись изъ рассмотрѣнія причастій, что въ языкѣ существуетъ стремленіе къ развитію глагольности предложенія, мы естественно склонны искать признаковъ того-же процесса и въ другихъ сферахъ языка, между прочимъ—въ оборотахъ, гдѣ сказуемое выражено *именемъ* въ соединеніи со вспомогательнымъ глаголомъ.

V.

Въ этихъ оборотахъ стремленіе къ глагольности сказуемаго приводитъ къ замѣнѣ именительнаго падежа въ предикативномъ имени творительнымъ, т. е. къ превращенію сочетанія „N былъ *купецъ*“ въ сочетаніе „N былъ *купцомъ*“. Такой творительный составляетъ, какъ извѣстно, особенность языковъ славянскихъ и литовско-латышскаго. Его происхожденіе и значеніе раскрыты Потебнею въ обширной главѣ, которая есть настоящій шедевръ грамматическаго изслѣдованія и сама по себѣ, помимо всего прочаго, могла бы обезсмертить имя Потебни въ исторіи знанія. Передадимъ въ немногихъ словахъ сущность этого изслѣдованія.

Синтаксическое различіе между „N былъ *купецъ*“ и „N былъ *купцомъ*“ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ оборотѣ слово *купецъ*, образуя несомнѣнно часть составнаго сказуемаго, согласуется съ подлежащимъ и поэтому стоитъ въ именительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ во второмъ оборотѣ это согласованіе, а стало быть и связь предикативнаго имени (ку-

¹⁾ Т. е. съ точки зрѣнія болѣе или менѣе тѣснаго слиянія причастія съ под-
разумѣваемымъ или наличнымъ вспомогательнымъ глаголомъ (есть, былъ и пр.).

пецъ) съ его подлежащимъ устранены, и творительный (купцомъ), ставшій на мѣсто именительнаго, уже не можетъ быть разсматриваемъ—какъ часть сказуемаго.

Перенеся вопросъ на почву исторіи языка, Потебня доказалъ, что этотъ творительный вовсе не былъ исконной принадлежностью славяно-литовской группы (какъ думали нѣкоторые другіе авторитеты, напр. Мильошичъ), но возникъ въ этихъ языкахъ въ извѣстную эпоху. Первоначально, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, предикативное имя ставилось только къ именительномъ падежѣ, сохранившемся здѣсь и доселѣ, но послѣ получившемъ, въ силу присутствія новой формы, способность выражать нѣкоторые особые отбѣнки ¹⁾. Прототипомъ разсматриваемаго творительнаго Потебня признаетъ творительный образа дѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда субстанція объекта, выраженного творительнымъ, совпадала съ субстанціею подлежащаго. Въ предложеніяхъ „N пишетъ перомъ“, „N идетъ войною“ и т. д. эти субстанціи не совпадаютъ, а потому подобные творительные образа и не могутъ разсматриваться какъ прототипъ творительнаго въ „N былъ купцомъ“. Другое дѣло—творительный образа въ выраженіяхъ, какъ „послалъ Козму Гвердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ“ (Новгор. лѣтоп.), „игумень иде сълзмъ (посломъ)“ и т. д., гдѣ замѣчается частное сліяніе субстанцій, такъ что игумень и былъ посломъ“ (Изъ зап., 500). Сюда нужно отнести и такъ-называемый творительный сравненія и превращенія: „конь летитъ трьлою“, „Игорь соколъ полетѣ“, „у дороги бѣлымъ камнемъ осталась Марья царевна“.

„Въ этихъ случаяхъ“—говоритъ Потебня, ib., 500,—„можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго ²⁾, въ которомъ вообще такое совпаденіе субстанцій есть постоянный признакъ“.

¹⁾ „Прежде созданное въ языкѣ двоико служить основаніемъ новому: частью оно перестраивается заново при другихъ условіяхъ и на другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго“. (Изъ зап., 125).

²⁾ Названіе предикативнаго Потебня удерживаетъ для краткости, оговариваясь, что не признаетъ (вопреки другимъ ученымъ) этого падежъ предикатомъ частью сказуемаго).

Остается теперь раскрыть самый процесс или условия возникновения творительного „предикативного“ из указанных его прототиповъ. Переходя къ этому вопросу, Потебня прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ глаголы, при которыхъ наблюдается замѣна именительнаго творительнымъ; и находить, что эти глаголы нужно раздѣлить на два разряда: 1) глаголы большей энергичности, каковы быть, являться, казаться, называться, становиться и т. д. и 2) глаголы меньшей энергичности, какъ жить, умереть, цѣлсти, итти и пр. Первые представляются болѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный „предикативнымъ“ именемъ (N былъ купцомъ, онъ казался задумчивымъ, Петръ I называется великимъ) явственно изображается какъ результатъ энергій, указанной глаголомъ (быть, казаться, называться), представленъ въ зависимости отъ нея и усматривается въ подлежащемъ непосредственно вслѣдъ за обнаруженіемъ этой энергій, а не одновременно съ нею. Глаголы второй категории представляются менѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный именемъ (шелъ пѣшій, умеръ бѣднякомъ, жила вдовою), вовсе не представленъ какъ результатъ энергій, обозначенной глаголомъ (шелъ, умеръ, жила), не стоитъ въ зависимости отъ нея и не слѣдуетъ за нею во времени. Это просто признакъ, усмотрѣнный въ подлежащемъ и привлеченный къ глаголу только потому, что его обнаруженіе представляется одновременнымъ съ обнаруженіемъ признака, выраженаго глаголомъ: „шелъ пѣшій“ не значитъ былъ пѣшій потому, что шелъ, а значитъ: былъ пѣшій въ то самое время, какъ шелъ.

Обращаясь теперь къ исторіи языка, мы находимъ, что творительный „предикативный“ появился при глаголахъ 2-го типа (меньшей энергій) раньше, чѣмъ при глаголахъ 1-го типа (большей энергій). Онъ появился сперва въ предложеніяхъ въ родѣ „она жила (умерла, сидѣла) вдовою“, а уже потомъ въ предложеніяхъ типа „она стала (сдѣлалась, казалась, явилась) вдовой. Въ древности въ обоихъ случаяхъ стоялъ именительный: княгиня стала вдова лѣтъ 40, княгиня была

вдова. Затѣмъ въ известную эпоху, сказалось наконецъ различіе энергичности глаголовъ, и результатъ былъ тотъ, что именительный *вдова* при глаголахъ меньшей энергіи, *жила, умерла, сидѣла*, уже сталъ казаться неудобнымъ: малая энергичность глагола при большой (съ прогрессомъ языка все возроставшей субстанціальности существительнаго) уже недостаточно крѣпко связывала признакъ „вдова“ съ глаголомъ „жила“ тѣми узами одновременности, которыя требовались смысломъ фразы; согласованіе *вдова* съ подлежащимъ *княгиня*, тяготѣніе атрибута къ подлежащему перевѣшивало связь съ глаголомъ, и фраза рисковала быть понятою такъ, какъ будто „вдова“ есть *приложеніе* къ подлежащему, а не составная часть сказуемаго: „княгиня-вдова жила 40 лѣтъ“. Чтобы устранить это тяготѣніе признака *вдова* къ подлежащему и удержать его при сказуемомъ, нужно было разорвать узы, связующіе слово *вдова* съ подлежащимъ, т. е. нарушить согласованіе и изъ именительнаго перевести его въ какой-нибудь другой падежъ. Наиболѣе подходящимъ былъ, конечно, творительный образа, который и сталъ здѣсь на мѣсто именительнаго: княгиня жила *вдовою* (по образцу: игумень отправился *посломъ*). При глаголахъ большей энергіи такое превращеніе сначала не было столь настоятельно: глаголь, благодаря своей энергичности, достаточно крѣпко держитъ въ предѣлахъ своей сферы именительный предиката, чтобы его можно было вывести оттуда и отнести къ подлежащему въ качествѣ приложенія: „княгиня была *вдова*“, — оборотъ существующій до сихъ поръ (рядомъ съ творит.—вдовою), между тѣмъ какъ именительный въ „княгиня жила *вдова*“ уже невозможенъ.

Первые всходы оборота съ творительнымъ усматриваются уже въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ памятникахъ (но не въ Остромировомъ Евангеліи, языку коего онъ совершенно чуждъ). Въ русскомъ языкѣ въ теченіе долгаго времени сохраняются равноправно оба оборота. Этой равноправности былъ положенъ предѣлъ только въ новомъ русскомъ, гдѣ, въ области глаголовъ большей энергичности, нужно различать двѣ группы: одну (называться, считаться, слыть, стать въ смыслѣ превратиться и

др.), при которой творительный обязателенъ въ той же мѣрѣ, какъ и при глаголахъ малой энергiи (уже нельзя сказать: слы-
веть *знатокъ*), и другую, куда входятъ глаголы *наибольшей*
энергичности (сдѣлаться, казаться, быть, стать въ смыслѣ нѣм.
werden), при которыхъ старшій именительный все еще держится
частью рядомъ съ творительнымъ, частью—одинъ: „онъ былъ
купецъ“ и „онъ былъ купцомъ“, но—„онъ (есть) купецъ“ (а
не купцомъ, какъ въ польскомъ, гдѣ развитіе творит. „преди-
кативнаго“ достигло крайнихъ предѣловъ).

Творительный падежъ, который мы разсматриваемъ, можетъ
замѣнить собою не только именительный (въ именномъ сказуе-
момъ), но также винит. и родит. дополненія: я называю его
(вин.) *братомъ*, я не называю его (род. 1) *братомъ*. Первоначально
(въ памятникахъ наиболѣе архаическихъ по языку) здѣсь воз-
моженъ только винит. и родит., т. е. необходимо согласованіе
второго падежа съ первымъ: называть *ее сестру*, не называть
ея сестры. Такъ въ Остроміровомъ Еванг. и въ Савиной книгѣ.
Но въ другихъ церковнослав. памятникахъ уже появляется въ
этихъ случаяхъ творительный (напр. въ Супрасльской рукоп.).
Въ русскихъ памятникахъ такой творительный употребляется
сначала наравнѣ съ согласуемымъ падежомъ: „поставиша *Теок-
тиста епископа* (вин.) *Чернигову*“, но—„нарекъ ю (вин.=ея)
дщерью себѣ (твор. вм. вин. *дщерь*)“.

Невдаваясь въ дальнѣйшія подробности, которыя были бы
неудобны въ популярномъ изложеніи, укажемъ на общій смыслъ
разсмотрѣннаго явленія, на его психологическое значеніе въ
исторіи языка.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба оборота существуютъ рядомъ
(„онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ“), языкъ разли-
чаетъ ихъ не только формально, но и по значенію. Потемни
доказалъ, что первоначально такого различенія не было, и тво-
рительному долго не присваивалась специальная функція выра-
жать одни оттѣнки значенія, а именительному—другіе. Суть
явленія состоитъ отнюдь не въ стремленіи разграничить эти
оттѣнки, а въ общемъ стремленіи языка *дать перевѣсъ глаголь-
ному сказуемому надъ именнымъ*. Въ данномъ случаѣ это дости-

гается тѣмъ, что согласованіе предикативнаго имени (офицеръ) съ подлежащимъ (онъ) разрушается, и это имя переводится въ область несогласуемыхъ падежей, т. е. устраняется изъ сферы сказуемаго и превращается въ дополнение. Въ силу этого, глаголь „быль“, игравшій подчиненную роль *связи*, сразу возвышается на степень *самостоятельнаго сказуемаго*. Въ „онъ былъ офицеръ“ сказуемое—составное „быль офицеръ“, и глаголь „быль“—связка. Вся фраза имѣетъ какъ-бы два темпа—подлежащее и сказуемое, изъ коихъ второй (сказуемое) состоитъ изъ двухъ актовъ мысли, такъ что все предложеніе можетъ быть представлено въ видѣ трехъ тактовъ, примѣрно такъ: подлежащему, равному $\frac{1}{4}$, противопоставляется одинъ сложный членъ (сказуемое) изъ $\frac{1}{6} + \frac{3}{6}$. „Мысль здѣсь не останавливается на связкѣ *быль* ($\frac{1}{6}$) и пользуется ею лишь для перехода отъ подлежащаго къ мыслимому въ немъ атрибуту“ (Изъ зап., 521—2). Иной характеръ усматривается въ оборотѣ съ творительнымъ. Въ „онъ былъ офицеромъ“ все грамматическое содержаніе мыслится въ три одинаковые приѣма и можетъ быть сравнено съ тактомъ изъ трехъ четвертей: *быль* есть не связка, а самостоятельное сказуемое; *офицеромъ* дополненіе къ нему, стало быть нѣчто мыслимое не въ подлежащемъ, а особо отъ него, несмотря на частное совпаденіе, и въ тоже время особо отъ сказуемаго“ (Изъ зап., 5 21). Вотъ именно это превращеніе глагола—связки въ самостоятельное сказуемое и образуетъ сущность явленія. Засимъ разъ новый оборотъ появился и получилъ въ языкѣ извѣстное распространеніе, не вытѣснивъ вполне стараго оборота, то послѣдній приобретаетъ новый смыслъ. Грамматическо-психологическое сознаніе (не научное, а „инстинктивное“), что *быль* въ „онъ былъ офицеръ“ есть связка что предикативный атрибутъ „офицеръ“ составляетъ главную часть сказуемаго, невольно вызываетъ въ умѣ представленіе (томъ, что въ этомъ атрибутѣ выраженъ какой-то не то существенный, не то постоянный, или же въ данную минуту особенно важный признакъ подлежащаго. Но такіе оттѣнки значенія этотъ старый оборотъ могъ получить только послѣ того, какъ рядомъ съ нимъ сталъ новый—съ творительнымъ: самостоятельность

глагольного сказуемаго (былъ) въ этомъ послѣднемъ рѣзче отѣняла собою подчиненную роль глагола въ старомъ оборотѣ. Разрывая связь предикативнаго атрибута (офицеръ) съ подлежащимъ (онъ), переводя его въ сферу дополненія и тѣмъ самымъ придавая большій вѣсъ глаголу (былъ), новый оборотъ какъ-бы наталкиваетъ мысль на предположеніе, что атрибутъ, выраженный творительнымъ, не существенъ для подлежащаго, что если *N* былъ тѣмъ-то (офицеромъ), то онъ *могъ быть* или *раньше* былъ другимъ (не-офицеромъ). Такой смыслъ новый оборотъ получилъ не сразу. Онъ развился въ немъ съ теченіемъ времени, благоприятствуемый внутренними свойствами оборота (самостоятельность глагола—сказуемаго), которыя въ тоже время заставляли мысль оцѣнивать противоположныя свойства стараго оборота и утилизировать его для выраженія соотвѣтственныхъ отѣнковъ значенія.

Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, Потебня, такъ сказать, подслушалъ сокровенное прозябаніе языка и обнаружилъ тѣ внутренніе процессы рѣчи, которые творятъ мысль.

VI.

Прилагательное гораздо больше существительнаго удерживается въ именительномъ падежѣ предикативнаго имени, въ особенности при глаголахъ меньшей энергичности: мы до сихъ поръ говоримъ „она жила *грустная*“, между тѣмъ какъ „жила *вдова*“ уже невозможно. Обязателенъ творительный прилагательныхъ при глаголахъ *средней* энергичности, каковы *слыть, считаться, называться*: „онъ слыветъ *умнымъ, счастливымъ*“. При глаголахъ наибольшей энергій (быть, казаться и др.) этотъ падежъ далеко не такъ обыченъ, и нерѣдко предпочтеніе отдается именительному: „онъ былъ *веселъ*“, „онъ казался *уменъ*“. Въ подобныхъ случаяхъ именит. падежъ прилагательнаго въ безчленной формѣ выражаетъ тѣ-же отѣнки, которые передаются творительнымъ существительныхъ.

Итакъ, прилагательное то идетъ въ ногу съ существительнымъ, то отстаётъ отъ него.

Это различіе обусловлено самой природою прилагательнаго.

Мы знаемъ, что прилагательное есть тотъ актъ мысли, котормъ мы апперцепируемъ признакъ, данный въ субстанціи. Ниже намъ прійдется еще разъ затронуть этотъ вопросъ; здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что въ древности прилагательное, обозначая признакъ, данный въ субстанціи, могло на-мекать и на самую субстанцію, и съ этой стороны приближалось къ существительному. Съ теченіемъ времени все увеличилось разстояніе между этими двумя частями рѣчи, и прилагательное теряло свойство указывать на субстанцію, между тѣмъ какъ субстанціальность существительнаго все болѣе развивалась. Вотъ почему при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ уже невозможенъ именительный существительнаго, прилагательное можетъ оставаться въ именит. пад., т. е. сохранять согласованіе съ подлежащимъ: субстанція, на которую намекаетъ прилагательное, такъ слаба, неопредѣленна, неиндивидуальна, что это согласованіе нисколько не мѣшаетъ намъ по прежнему мыслить данный атрибутъ въ связи съ глаголомъ (жила грустная), не заставляеть нашу мысль забывать о предикативномъ значеніи прилагательнаго и непремѣнно относить его къ подлежащему въ видѣ приложенія (она, грустная, жила...), что наступаетъ при существительномъ (въ имен. п.) въ силу его субстанціальности (она жила вдова=она, вдова, жила...).

Но прилагательное имѣеть еще одно этимологическое свойство, которое въ существительномъ усматривается лишь въ слабой степени: огромное большинство прилагательныхъ всегда можетъ быть по мѣрѣ надобности превращено въ нарѣчія: грустный—грустно, веселый—весело. Поэтому при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ обязательенъ творительный существительнаго, для прилагательнаго открываетъ другой исходъ—превратиться въ нарѣчіе, если удержаніе именительнаго почему либо нежелательно: „она жила грустно, весело, счастливо“. На рѣчіемъ легче и удобнѣе осуществляется здѣсь тотъ самый результатъ, который въ оборотахъ съ существительнымъ достигается замѣною именительнаго падежа творительнымъ: связуемо изъ составнаго становится простымъ, глагольнымъ, на мѣстѣ

согласуемаго именнаго предиката является несогласуемая часть рѣчи (нарѣчіе), и вся фраза выигрываетъ въ глагольности и единствѣ. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и было заторможено распространеніе оборотовъ съ творительнымъ прилагательнаго при глаголахъ меньшей энергіи.оборотъ „она жила *грустною*“ представляется и ненужнымъ, и неудобнымъ, потому что, кромѣ стараго „она жила *грустная*“, возможенъ и удобенъ еще одинъ оборотъ „она жила *грустно*“. Иное дѣло—обороты съ глаголами большей энергіи. Здѣсь нарѣчія (въ положит. степ.) не годятся, ибо не могутъ—пока—выразить *результата* дѣйствія, а показываютъ только его *качество*, обозначаютъ признакъ ему сопутствующій, а не слѣдующій за нимъ. Поэтому нельзя сказать: „она стала (казалась, слыла, была) *весело*“, и остается въ извѣстныхъ случаяхъ сохранять именительный (она стала, казалась *грутна*), въ другихъ, по примѣру существительныхъ, замѣнять его обязательнымъ или необязательнымъ творительнымъ: „она слыла, называлась *веселою*“, „казалась *грустною*“ и т. д.

Появленіе нарѣчій въ указанныхъ случаяхъ на мѣсто прилагательнаго есть одно изъ многихъ проявленій все того же движенія въ сторону глагольности сказуемаго. Такой же смыслъ имѣетъ распространеніе категоріи нарѣчія на счетъ прилагательнаго еще въ двухъ сферахъ: 1) въ сравнительной степени и 2) въ причастіи.

Великорусскія и общерусскія сравнительныя степени прилагательныхъ суть уже нарѣчія, а не прилагательныя, и фразы „онъ *больше* меня“; „онъ былъ *лучше* ея“, по своему чину, по глагольности сказуемаго, стоятъ на одномъ уровнѣ съ „онъ жилъ *весело*“ (при чемъ сравнительная степень даетъ нарѣчію возможность употребляться и при глаголахъ большей энергіи), между тѣмъ какъ малорусское „внѣ *бильшій* видѣ мене“, гдѣ сохраняется прилагательное въ сравн. степ., болѣе архаично и подходитъ къ типу: „онъ жилъ *грустный*“.

Дѣепричастія суть причастія, переведенныя изъ категоріи прилагательнаго въ категорію нарѣчія. Ихъ возникновеніе есть несомнѣнный признакъ усиленія глагольности рѣчи. Выше мы видѣли, какимъ образомъ дѣепричастіе, становясь на мѣсто

старого причастія, превращаетъ глаголь-связку въ самостоятельное сказуемое. При глаголахъ меньшей энергіи оно замѣняетъ творительный, подобно обыкновенному нарѣчію: „она сидѣла грустя“.

Стремленія языка къ усиленію глагольности проявлялись постепенно, переходя исподоволь отъ одной сферы къ другой. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ глубокой древности, и однимъ изъ наиболѣ раннихъ завоеваній глагола было созданіе *инфинитива* (неопредѣленнаго наклоненія), которому посвященъ въ „Запискахъ по русской грамм.“ обширный отдѣлъ (342—443). Не имѣя возможности передать здѣсь содержаніе этого превосходнаго изслѣдованія, ограничимся изложеніемъ общаго взгляда Потебни на неопредѣл. наклоненіе,—взгляда, расходящагося съ возрѣніемъ нѣкоторыхъ авторитетовъ, какъ напр. Боппа и Як. Гримма.

Давно уже доказано, что неопредѣленное накл. возникло изъ имени существительнаго и представляетъ собою какъ-бы окаменѣвшую форму извѣстнаго (у насъ—дательнаго) падежа. Дальнѣйшее распространеніе этого совершенно вѣрнаго положенія привело однако къ ложному пониманію инфинитива—какъ *отглагольнаго имени существительнаго*. Ошибка состоитъ въ томъ, что современному инфинитиву приписываются признаки, которые онъ имѣлъ нѣкогда, въ глубокой древности, и которые онъ давнымъ давно утратилъ. Это все равно, что опредѣлять бабочку какъ куколку на томъ основаніи, что она изъ куколки развивается, или современныя письмена—какъ гіероглифы, предполагая, что они возникли нѣкогда изъ послѣднихъ. Въ дѣйствительности неопредѣленное накл. перестало быть именемъ уже въ глубокой доисторической древности, потерявъ отличительные признаки имени (склоненіе, число, родъ), и превратилось сперва въ особую часть рѣчи, занимающую середину между именемъ и глаголомъ (какъ причастіе), а затѣмъ все болѣе вовлекалось въ сферу глагольности, пока наконецъ не впитало въ себя характерныхъ глагольных свойствъ—быть сказуемымъ, обозначать дѣятельность въ ея теченіи, намекать на лицо. Казалось бы, что *знать* то же самое, что *знаніе*. Но стоитъ только

взять эти формы въ живой рѣчи, чтобы сейчасъ же уловить грамматическую разницу между ними. „Хочу знать“ есть составное сказуемое изъ *хочу*—родъ связки и *знать*,—формы которая, вопервыхъ, представляетъ цѣль хотѣнія не какъ вещь (субстанцію), постороннюю субъекту (я), но какъ *дѣятельность* или *энергію*, на которую направлено хотѣніе субъекта, а, вторыхъ, явственно относитъ эту дѣятельность къ грамматическому *лицу* подлежащаго: въ „хочу знать“ инфинитивъ *знать* указываетъ на 1-е лицо и можетъ быть разложенъ такъ: *хочу*, чтобы *я зналъ*, въ „хочешь знать“ онъ указываетъ на 2-е лицо и т. д. Теперь замѣнимъ въ нашемъ примѣрѣ неопредѣл. наклоненіе существительнымъ: „хочу *знанія*“. Весь строй фразы измѣнится. Здѣсь *хочу*—уже не связка, а самостоятельное сказуемое, *знанія*—не составная часть сказуемаго, а *дополненіе*, никакого отношенія къ лицу не имѣющее и указывающее не на *дѣятельность* подлежащаго, а на (фиктивную) *субстанцію, постороннюю ему*. *Знаніе* есть именно *существительное отлагольное*, *знать когда то* было таковымъ, но давно уже перестало имъ быть. Если же желательно дать ему такое опредѣленіе, въ которомъ бы заключалось указаніе на происхожденіе этой формы, то можно бы назвать его существительнымъ *отлаголеннымъ* (а не *отлагольнымъ*).

Изъ вышесказаннаго видно, что *отношеніе къ лицу* образуетъ свойство неопредѣленнаго накл. и вмѣстѣ важнѣйшее основаніе его глагольности. Этому нисколько не противорѣчитъ то, что неопредѣленное наклоненіе не имѣетъ личныхъ окончаній и, взятое отдѣльно, не даетъ возможности отнести его къ опредѣленному лицу. Въ новыхъ языкахъ личные окончанія нерѣдко ступшеваются, но это не служитъ препятствіемъ признавать напр. французскія *aime, aimes, aime* (2-е только на письмѣ, для глазъ, отлично отъ 1-го и 3-го) за формы, имѣющія отношеніе къ лицу, т. е. за глаголы, хотя для опредѣленія того или другаго лица необходимо присоединить мѣстоименіе, которое и беретъ на себя функцію отсутствующаго окончанія: *j'aime, tu aimes, il aime*. Такъ и въ нашихъ прошедшихъ временахъ: *я взялъ, ты взялъ, онъ взялъ*.! Вообще для глагола существенна

не столько способность обозначать опредѣленное лицо, сколько способность относиться къ какому-быто ни было, лицу, извѣстному или неизвѣстному. Неопредѣленное наклоненіе, взятое отдѣльно, неспремѣнно относится къ лицу, но только неизвѣстному, необозначенному. Чтобы оно выяснилось, нужно взять неопредѣленное накл. въ предложеніи: Въ „хочу знать“ оно есть то самое, къ которому относится связка *хочу*: оно есть лицо подлежащаго. Такое неопредѣленное наклоненіе Потебня, вслѣдъ за Гриммомъ, называетъ *субъективнымъ*, въ противоположность другому, *объективному*, котораго лицо указано не подлежащимъ и не связкою, а *дополненіемъ*: „прошу васъ *прійти*“. Здѣсь „прійти“ значить „чтобы вы пришли“.

Изъ исторіи русскаго инфинитива, столь обстоятельно и глубоко изслѣдованной Потебнею, мы остановимся здѣсь только на одной чертѣ, на которую впрочемъ мы уже указывали выше; но теперь, послѣ всего, что было сказано о значеніи творительнаго, нарѣчій, дѣепричастій, эта черта получить надлежащее освѣщеніе. Да припомнить читатель вышеуказанные старинные обороты въ родѣ „сѣде княжа“, чему въ современномъ языкѣ отвѣчаетъ оборотъ „сѣлъ княжить“. Движеніе мысли, осуществившееся въ переходѣ отъ стараго оборота къ новому, совершенно аналогично тому, которое мы отмѣтили, указывая на различіе между старымъ „сѣде вдова“ и новымъ „сидѣла вдовою“. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, прежняя согласуемая часть предиката (причастіе *княжа*, существ. *вдова* въ им. п.) замѣняется формою несогласуемою (неопредѣл. *княжить*, твор. несогласующійся *вдовою*). Разница только въ томъ, что въ оборотѣ съ творительнымъ сказуемое перестало быть составнымъ, и глаголь изъ связки сдѣланъ настоящимъ предикатомъ, между тѣмъ какъ въ „сѣлъ княжить“ сказуемое остается составнымъ. Но результатъ процесса оказывается въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же—развитіе *глагольности сказуемаго*, потому что замѣна причастія, формы именной, неопредѣленнымъ наклоненіемъ, формою, не сохранившею въ себѣ ничего именного и совершенно оглаголенною, есть конечно цѣнный вкладъ въ дѣло оглаголенія сказуемаго.

Вообще всё разсмотрѣнные процессы, равно какъ и нѣкоторые другіе, которыхъ мы не коснулись здѣсь, можно классифицировать вмѣстѣ и опредѣлить ихъ психологическую сущность—какъ *стремленіе языка сосредоточить предикативную силу въ глаголь*. Изъ анализа явленій, сюда относящихся нетрудно уразумѣть, что, по мѣрѣ развитія этого стремленія и достиженія соответственныхъ результатовъ, уменьшается число *согласуемыхъ частей предложенія* и увеличивается на ихъ счетъ число *несогласуемыхъ*. Такъ, несогласующійся съ подлежащимъ творительный (вдовою) сталъ на мѣсто прежняго именительнаго (вдова), который согласовался съ подлежащимъ; на мѣсто прилагательнаго стало нарѣчіе; причастіе замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ или, въ другихъ случаяхъ,—дѣепричастіемъ согласуемость есть признакъ грамматической функціи, называемой *аттритивностью*, той, стало быть, которой представителемъ служить преимущественно *прилагательное*. Поскольку существительное сохраняетъ способность быть атрибутомъ и поэтому согласоваться въ падежѣ съ опредѣляемымъ словомъ (напр. въ *приложеніи*: Петръ, царь великій...), постольку оно еще сохраняетъ слѣды своей былой близости къ прилагательному. И наоборотъ, поскольку прилагательное можетъ еще употребляться какъ подлежащее и дополненіе, т. е. обозначать субстанцію, постольку оно еще сохраняетъ тѣнь своей прежней близости къ существительному. Чѣмъ глубже будемъ мы опускаться въ древность, тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться разстояніе между этими двумя частями рѣчи, какъ со стороны чисто формальной, такъ и со стороны ихъ грамматическихъ функцій въ предложеніи. По направленію къ намъ это разстояніе все увеличивается. И когда мы видимъ, что существительное, взятое какъ предикативный атрибутъ (*она-вдова*), перестаетъ согласоваться съ подлежащимъ (*она сидѣла вдовою*), то мы заключаемъ, что его атрибутивная гибкость пошла на убыль, что оно замѣтно теряетъ способность играть роль прилагательнаго, выражать признакъ, усматриваемый въ другомъ предметѣ. Оно все рѣшительнѣе приурочивается къ *субстанціальности*; съ тѣмъ вмѣстѣ прилагательное приурочивается къ *аттритивности*.

Эта эволюція существительнаго по направленію къ наибольшей субстанціальности и прилагательнаго—къ наибольшей атрибутивности есть, какъ показалъ Потебня, процессъ, идущій въ ногу съ развитіемъ глагольности предложенія.

VII.

Былая близость прилагательнаго къ существительному до сихъ поръ сказывается въ нѣкоторыхъ оборотахъ, напр.—когда прилагательное выступаетъ въ роли подлежащаго или дополненія: Изъ числа такихъ оборотовъ нужно исключить тѣ случаи, гдѣ прилагательное превратилось уже въ настоящее существительное (напр. *подушное*—подать), а равно и тѣ, гдѣ подразумѣвается существительное. Но Потебня во многихъ случаяхъ рѣшительно высказывается противъ такого подразумѣванія, какъ насилія надъ языкомъ, и приводитъ примѣры, гдѣ настоящее прилагательное само по себѣ выступаетъ въ роли подлежащаго и дополненія. Таковы выраженія: „*богатъ* шелъ въ пиръ, а *убогъ* брелъ въ миръ“¹⁾, „и *глупъ* молвитъ слово въ ладъ“, „*глупъ* да *лѣнивъ* одно дважды дѣлаетъ“. По миѣнію Потебни, при всѣхъ этихъ прилагательныхъ (*богатъ*, *убогъ*, *глупъ*) не слѣдуетъ подразумѣвать якобы опущеннаго „человѣкъ“, что ясно видно изъ выраженія „*битъ* *небитаго* на рукахъ носить“. „Кто это *битъ*, *небитъ*? Опять *человѣкъ*? Почему же непременно такъ, когда знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ *битъ* и *везетъ*, а лиса *небита* и *ѣдетъ*? И опять почему же *битъ* непременно *волкъ*, когда знаемъ, что цѣнность такихъ выраженій именно и состоитъ въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ не опредѣляется (кромѣ грамматическаго рода): кто бы ни былъ *битъ*, но онъ *небитаго* *везетъ*“. (Изъ зап., 98). Вотъ именно прилагательное въ старину и обладало въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣ, этою способно-

¹⁾ Т. е. въ *миръ*. Потебня писалъ оба слова (*миръ* и *міръ*) одинаково черезъ *и*.

стью выражать неопредѣленную субстанцію. Его дальнѣйшая эволюція состоитъ въ относительной потерѣ этой способности.

Исслѣдованіе исторіи прилагательнаго съ этой точки зрѣнія должно было войти въ третью часть „Записокъ по русской грамматикѣ“, которая осталась въ рукописи, не вполне готовой къ печати. Общее понятіе о содержаніи этого замѣчательнаго труда, къ сожалѣнію не получившаго окончательной отдѣлки, даетъ намъ статья г. Харціева „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“, помѣщенная въ 4-мъ томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества“ (стр. 75 и сл.). „Отношеніе мысли къ слову“, говоритъ г. Харціевъ, составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служить вопросъ „откуда и куда мы идемъ“ въ смыслѣ прогресса мысли.

Сопоставляя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Харціевымъ, съ тѣми краткими указаніями, которыя мы находимъ въ автобіографической запискѣ Потебни, приложенной ко второму тому „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина, мы можемъ, не впадая въ грубую ошибку, въ слѣдующемъ видѣ возстановить одну изъ основныхъ и важнѣйшихъ идей покойнаго, развитіе и обоснованіе которой занимало его въ послѣдніе годы жизни.

Если существительное, удаляясь отъ прилагательнаго, играетъ въ субстанціальности, то это не значитъ, что категорія субстанціи пріобрѣтаетъ съ развитіемъ языка все больше и больше значенія въ процессѣ нашего мышленія. Напротивъ: это значитъ, что умственный прогрессъ ведетъ нашу мысль въ обратномъ направленіи—отъ господства категорій субстанціи къ ея устраненію. И въ самомъ дѣлѣ, эта форма мысли въ старину воплощалась не только въ существительномъ, но и въ прилагательномъ, между тѣмъ какъ атрибутивность древнихъ существительныхъ вовсе не была отрицаніемъ ихъ субстанціальности. Въ чемъ собственно состоитъ атрибутивность существительнаго? Что происходитъ въ сознаніи, когда признакъ, усмотрѣнный въ предметѣ, выражается посредствомъ имени существительнаго? Этотъ признакъ понимается какъ извѣстная субстанція, находящаяся въ другой субстанціи. Такой пріемъ мышленія и лежитъ въ основѣ такъ называемыхъ *приложеній*:

Петръ, царь великій, Владиміръ—Солнышко, Дмитрій—Грозныи Очи. Въ субстанціи „Петръ“ усматривается присутствіе извѣстнаго признака, который въ свою очередь схватывается мыслью какъ особая субстанція (царь). Въ эпоху, когда прилагательныя имѣли большую или меньшую субстанціальность (хотя бы такую какъ *битъ, небитъ, богатъ, убогъ* въ вышеприведенныхъ пословицахъ „битъ небитаго везетъ“ и пр.), признакъ, имъ выраженный, понимался очень близко къ тому, какъ если бы онъ былъ выраженъ существительнымъ, такъ что напр. *бѣлый камень*“ было почти равносильно выраженію „камень—*бѣлизна*“, а это послѣднее было основано на томъ же приѣмѣ мысли, на которомъ ~~видѣтся~~ приложенія и эпитеты въ родѣ „Владиміръ—Красное Солнышко“. Когда наконецъ прилагательныя потеряли эту субстанціальность, тогда обозначился великій переворотъ, происшедшій въ мысли: слово *бѣлый* перестало выражать субстанцію, находящуюся въ „каменѣ“ и превратилось въ особую форму мысли, способную обозначать признакъ, неимѣющій своей субстанціальности, несуществующій отдѣльно отъ предметовъ, въ которыхъ онъ усматривается. Итакъ, отдѣленіе и эволюція прилагательнаго, сосредоточеніе въ немъ чистой атрибутивности есть, такой процессъ въ исторіи мысли, который приводитъ къ „*устраненію въ языкъ и мысли субстанцій, ставшихъ мнимыми*“.

Создавъ особую грамматическую категорію—*прилагательнаго*, языкъ ограничилъ болѣе тѣсными предѣлами—*существительнаго* сферу, занимаемую въ нашемъ сознаніи категоріей *субстанцій*. Въ исторіи развитія самихъ существительныхъ тотъ-же процессъ устраненія мнимой субстанціи обнаруживается въ превращеніи существительныхъ нѣкогда конкретныхъ въ отвлеченныя. Въ эпоху, когда могли сказать „камень-бѣлизна“ вмѣсто „бѣлый камень“, *бѣлизна* понималась какъ субстанція конкретная, подлинная, какъ вещь. Нынѣ она понимается, какъ фиктивная, а потому и не можетъ уже служить выраженіемъ атрибута. Не трудно видѣть, что этотъ переходъ отъ конкретного пониманія *бѣлизны, доброты, долготы, ширины, истины* и т. д. къ отвлеченному есть своего рода *устраненіе мнимой субстанціи*.

Тотъ-же процессъ Потебня клалъ въ основу развитія „бездличныхъ“ (безсубъектныхъ) предложеній (свѣтаеть, болитъ, топнеть), которые онъ считалъ явленіемъ сравнительно новымъ (педархаическимъ).

Процессъ устраненія субстанціи, ставшей мнимой, знаменуетъ собою ту самую эволюцію языка и мысли, которая называется въ вышерассмотрѣнномъ стремленіи къ развитію глагольности рѣчи. Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы, какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и приучается отливать полученные впечатлѣнія въ форму признака и энергии. Эта эволюція мысли, открытая Потебнею, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически-документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ, напр., отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ—отъ теорій, въ силу коихъ напр. огонь или число представлялись субстанціями (Гераклидъ, Пифагоръ), къ новому взгляду на нихъ, какъ на процессы (огонь) или отношеніе между вещами (число). Корни сознательнаго мышленія (миеологическаго, метафизическаго, научнаго) глубоко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Возрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія волнъ на поверхности психіи, въ сознаніи,—управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, созидаемаго языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго—подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за явленіями, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ

тѣхъ-же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ признаковъ, процессовъ, энергій („явленій“). Метафизикъ мыслить въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное—подлежащее, ученый—неметафизикъ мыслить въ направленіи, исходная точка котораго есть въ мышленіи грамматическомъ глаголь—сказуемое. Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежатъ въ основѣ понятій *причины* и *слѣдствія*, *матеріи* и *силы*. Развитие понятія *силы* насчетъ понятія *матеріи*, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,—переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ, какъ на *процессы* или *силы*.

Таковы тѣ грандіозныя перспективы, которыя открывалъ Потебня въ своихъ изслѣдованіяхъ и лекціяхъ. Изданіе третьей части „Записокъ по русской грамматикѣ“, несмотря на отсутствіе окончательной отдѣлки, безпорно, составитъ эпоху—не въ одной только „Исторіи русскаго языка“. Трудъ этотъ будетъ важнымъ вкладомъ въ психологію мысли и дастъ много новаго для „теоріи познания“, для пониманія эволюціи мышленія научнаго и философскаго.

VIII.

Синтаксическіе труды Потебни, сущность которыхъ мы изложили выше, поставили насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о происхожденіи и эволюціи отвлеченнаго мышленія. Одновременно съ этими глубокими изслѣдованіями Потебня велъ и другія, столь же глубокія, направленныя на изученіе тѣхъ сторонъ языка, которыя лежатъ въ основаніи „мышленія образами“, т. е. поэзіи. Исходная точка этихъ изученій была дана опять таки В. Гумбольдтомъ; ея основанія были разработаны до извѣстной степени другими учеными, но Потебня первый далъ строго-научную и разработанную въ подробностяхъ *эволюціонную* теорію

поэзии и со свойственнымъ ему даромъ широкаго обобщенія связалъ явленія языка въ его развитіи съ фактами исторіи поэтическихъ формъ и съ психологическими тайнами художественнаго творчества. Къ сожалѣнію, этотъ огромный трудъ былъ обработанъ только *устно*—въ тѣхъ удивительныхъ лекціяхъ по „теоріи словесности“), которыя навсегда останутся въ памяти учениковъ покойнаго, какъ впечатлѣніе ослѣпительно-яркаго свѣта, какъ неизгладимое воспоминаніе о высококомъ умственномъ наслажденіи, объ откровеніи научнаго творчества, которое развертывалось тутъ-же, въ аудиторіи, и неудержимо увлекало слушателя въ свой потокъ. (См. въ 4-мъ томѣ Сборника Харьк. Историко-фил. Общ. воспоминанія г. Горнфельда объ этихъ лекціяхъ). Потебня не успѣлъ обработать этихъ лекцій для печати. Остались только, по словамъ г. Харціева, „запѣтки для себя“, черновые матеріалы. Современемъ, они будутъ, конечно, изданы и, безъ сомнѣнія, дадутъ ключъ для полнаго пониманія другаго обширнаго труда Потебни—„Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсень“,—труда, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи и теоріи поэзіи, но въ настоящее время, безъ необходимыхъ поясненій, на которыя Потебня былъ такъ щедръ въ своихъ лекціяхъ и такъ скупъ въ печати, не можетъ быть оцѣненъ и утилизованъ съ этой стороны надлежащимъ образомъ.

Познакомить публику съ воззрѣніями Потебни на происхожденіе и эволюцію поэзіи, на ея отношеніе съ одной стороны къ языку, а съ другой къ мышленію отвлеченному („прозаическому“) можно будетъ только послѣ того, какъ будутъ изданы черновые матеріалы „по теоріи словесности“. Пока мы можемъ только изложить въ немногихъ словахъ основы этихъ воззрѣній Потебни и указать направленіе, въ которомъ онъ вель свои изысканія.

Основанія теоріи были намѣчены Потебнею 30 лѣтъ тому назадъ въ уже извѣстномъ намъ сочиненіи „Мысль и языкъ“.

Да припомнить читатель то, что выше было сказано о „внутренней формѣ“ слова. Пока она жива, пока „образъ“, заключенный въ словѣ, сознается и различается отъ содержанія

(значенія), до тѣхъ поръ слово является какъ бы поэтическимъ произведеніемъ. Его созданіе есть прототипъ или элементарная, зачаточная форма поэческаго (и вообще художественнаго) творчества. Между такимъ словомъ (*удавъ; мышь*—при сознаніи, что это значитъ собственно „воръ“; *жалованье, верста*—о высокоросломъ человѣкѣ и т. д.) и произведеніемъ искусства можно провести полную параллель. Въ томъ и другомъ ясно различаются три аналогичныхъ элемента:

1) *Внѣшняя форма*. Въ словѣ—это членораздѣльные звуки; въ статуѣ—мраморъ, извѣстнымъ образомъ обработанный; въ картинѣ—краски и т. д.

2) *Внутренняя форма* или *образъ*. Въ словѣ—это напр. „воръ“—для понятія *мышь*, „верста“—о высокомъ человѣкѣ и т. д. Въ статуѣ—напр. образъ женщины съ мечомъ и вѣсами.

3) *Содержаніе*. Въ словѣ—это его *значеніе*: извѣстное животное для слова „мышь“, извѣстная змѣя — для слова „улавъ“. Въ статуѣ—это ея *идея*, въ данномъ случаѣ—правосудіе.

Образъ (изваянный, нарисованный красками, описанный въ словесномъ произведеніи искусства, выраженный музыкальными звуками) самъ по себѣ еще не составляетъ содержанія художественнаго произведенія: содержаніемъ служитъ *идея*; *образъ* только указываетъ на содержаніе, наводитъ на него, служитъ способомъ его *представленія*. Такъ точно и въ словѣ: образъ, напр. *жалованье*, т. е. нѣчто пожалованное (въ знакъ любви, срав. жаловать—любить), подарокъ, не составляетъ значенія (содержанія) этого слова и только является однимъ изъ способовъ представлять это значеніе, которое—вовсе не „подарокъ“, а „законное вознагражденіе“. Но то же самое значеніе уже иначе *представлено*—посредствомъ другаго образа—въ латинскомъ *pensio*, т. е. какъ нѣчто такое, что отвѣшивается, еще иначе въ франц. *gage* (залогъ, ручательство). Значеніе всѣхъ этихъ словъ—одно; способы изображенія—различны, а потому каждое изъ нихъ „направляетъ мысль“ иначе. („Мысль и Яз.“, стр. 178). Всѣ они ведутъ къ одной и той же цѣли, но различными путями.

Уже въ сочиненіи „Мысль и Языкъ“ (глава X) Потебня провель эту аналогію между словомъ (съ живою внутреннею формою) и художественнымъ произведеніемъ и, исходя изъ идей Гумбольдта, намѣтила, такъ сказать, программу будущихъ изслѣдованій въ области исторіи и теоріи поэзіи. Эта программа и была выполнена въ лекціяхъ по „теоріи словесности“. Правильнѣе можно было бы озаглавить ихъ такъ: чтенія объ эволюціи поэтическихъ формъ изъ ихъ прототиповъ, заключенныхъ въ языкѣ. Переходными ступенями отъ слова съ живымъ образомъ къ пѣснѣ, сказкѣ, поэмѣ и т. д. служатъ „эпитеты“ и „реторическія фігуры“. Ихъ анализу и раскрытію ихъ значенія въ эволюціи поэтического творчества былъ посвященъ покойнымъ ученымъ обширный курсъ, въ которомъ „реторическіе“ тропы и фігуры являлись предметомъ не схоластическаго и догматическаго изложенія, а историческаго и психологическаго изслѣдованія.

Лекціи по „теоріи словесности“ были созданіемъ цѣлой науки — эволюціи и психологіи поэтического творчества въ языкѣ и въ искусствѣ. Здѣсь глубоко захватывались высшіе вопросы объ отношеніяхъ поэзіи къ миѳу и мышленію отвлеченному (научному и философскому); здѣсь закладывались прочныя основы научной эстетики, открывались широкіе горизонты мысли, — это былъ огромный трудъ великаго ума, къ сожалѣнію, почти потерянный для ученаго міра и публики, потому что состояніе сохранившихся матеріаловъ таково, что ихъ изданіе не дастъ возможности возстановить все богатство идей и всю силу творчества, вложенныхъ покойнымъ въ эти изученія.

✓ Заключаю. Если мы будемъ имѣть въ виду только два сочиненія Потебни — „Мысль и языкъ“ и „Изъ записокъ по русск. грамм.“, то на вопросъ: „что собственно сдѣлалъ и открылъ Потебня въ сферѣ знанія психологическаго и философскаго?“ — мы отвѣтимъ такъ:

✕ Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ онъ далъ оцѣнку и критику воззрѣній В. Гумбольдта на языкъ и, отправляясь отъ основныхъ положеній этого мыслителя, развилъ психологическую

теорію языка, какъ силы, творящей и преобразующей мысль, при чемъ онъ установилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній или точекъ зрѣнія, которыя впоследствии были вновь установлены въ Германіи, какъ нѣчто совершенно оригинальное. Стоитъ только сравнить „Мысль и языкъ“ напр. съ „Prinzipien der Sprachengeschichte“ Hermann Paul, чтобы убѣдиться въ этомъ,—какъ равно и въ томъ, что эта превосходная книга въ нѣкоторыхъ частяхъ была бы глубже и разностороннѣе, если бы авторъ былъ знакомъ съ аналогичнымъ произведеніемъ Потебни.

2) Въ „Зап. по русс. Грам.“ Потебня проникъ въ психологію и эволюцію языка такъ глубоко, какъ никогда еще не проникалъ ни одинъ ученый, даже самъ Як. Гриммъ, и результатомъ этого проникновенія было открытіе *измѣняемости предложенія*, опредѣленіе того *пути*, по которому идетъ мысль человѣческая, и *направленія*, въ которомъ она движется, именно—*въ сторону все большаго развитія глагольности сказуемаго и ограниченія категоріи субстанціальности*.

Это открытіе такъ велико, что—если бы Потебня писалъ напр. по нѣмецки—его имя давно уже стояло бы рядомъ съ именами *великихъ* ученыхъ XIX вѣка, и возникла бы цѣлая литература комментаріевъ, популяризаціи, приложений его открытій къ различнымъ смежнымъ сферамъ знанія и т. д.

Безспорно,—такая литература современемъ и возникнетъ за границей, когда труды Потебни будутъ переведены. Вліяніе нашего ученаго на западно-европейскую науку будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень значительно,—и его имя будетъ по праву передано грядущимъ вѣкамъ, какъ одно изъ славнѣйшихъ именъ науки.

Д. Овсяннико-Булковскій.